



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*

1817



ARTES SCIENTIA VERITAS

733. 187/62

kritika i bibliografija
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

„КЪ ВОПРОСУ О ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ СЛАВЯНСКИХЪ НА-
РЪЧІЙ. ЕТС. ИЗСЛѢДОВАНІЕ А. КОЧУБИНСКАГО“.

РЕЦЕНЗІЯ

И. БОДУЭНА-ДЕ-КУРТЕНЭ
(J. BAUDOUIN DE COURTENAY).

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета

1879.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

„КЪ ВОПРОСУ О ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ СЛАВЯНСКИХЪ НА-
РЪЧІЙ. ЕТС. ИЗСЛѢДОВАНІЕ А. КОЧУБИНСКАГО“.

РЕЦЕНЗІЯ

И. БОДУЭНА-ДЕ-КУРТЕНЭ
(J. BAUDOUIN DE COURTENAY).

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1879.

891.804
K76 KO
B34

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ИМПЕРАТОРСКОГО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

По определению Историко-филологического факультета Императорского Казанского Университета печатать дозволяется. Казань,
21 декабря 1878 года.

СНЯТИ СЛ. Д. И. А. декана Н. Оурсовъ.

(УЧЕБНИК)

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИМПЕРАТОРСКОГО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1878

**ВЪ ВОПРОСУ О ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ СЛА-
ВЯНОКИХЪ НАРѢЧІЙ.** Основная вокализація плавныхъ
сочетаній: конс. + л, р + з — ь + конс. I. Изслѣдованіе **А. Ко-
чубинскаго**, доцента императорскаго новорос. университета, непремѣннаго члена императ. общества любителей есте-
ствознанія, антропологіи и этнографіи въ Москвѣ. Изъ XXIII т.
Записокъ Императорскаго Новороссійскаго Университета.
Одесса, печатано въ тип. Ульриха и Шульце, въ Красномъ
переулкѣ, домъ Шварца, № 3. 1877. — 8°, IV + 222.

Г. Кочубинскій задался мыслью сказать нѣчто новое
по вопросу классификаціи словянскихъ нарѣчій. Для этой
цѣли, какъ видно уже изъ заглавія, имъ избраны пока только
„сочетанія: конс. + л, р + з — ь + конс.“, т. е. такіе случаи
сочетаній гласныхъ и плавныхъ согласныхъ (л, р) или же экви-
валентовъ этихъ сочетаній, которые, имѣя въ русскомъ языкѣ
только одно о или е, разнообразятся въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ
словянскихъ, не только относительно качества своихъ состав-
ныхъ элементовъ (гласнаго и плавнаго согласнаго), но тоже и
относительно взаимнаго порядка этихъ элементовъ.

Подробному разбору такихъ сочетаній авторъ предпослалъ
введеніе, въ которомъ, во первыхъ, устанавливаетъ общій взглядъ
на вопросъ классификаціи аріевропейскихъ языковъ вообще
(„Глава I. Размѣщеніе членовъ арійской семьи“, 1—13), а
словянскихъ въ особенности („Глава II. Размѣщеніе членовъ
славянской семьи“, 14—27), и затѣмъ изслѣдуетъ, на сколько
нѣкоторыя изъ приводимыхъ обыкновенно признаковъ отличія
словянскихъ языковъ годятся для этой цѣли („Глава III. Судь-
бы ѣ и сочетаній t, d + j, какъ основа классификаціи“, 28—67).

Остальная часть книги (69—223) посвящена разбору главного предмета изслѣдованія нашего автора. Впрочем в этом первом выпускѣ автор ограничился только сочетаніями в стсл. согласнаго л с гласными ѣ и ъ, в остальных же нарѣчіях их законными замѣнителями. Стало быть, оставлены пока без вниманія сочетанія ѣ и ъ с согласным р. Сочетанія же других гласных (а, ѣ и т. п.) с плавными согласными не входят, кажется, в план полнаго сочиненія, задуманнаго нашим автором. Порядок глав этой главной части есть слѣдующій:

„Вступительное слово“ (69—74).

„Плавныя сочетанія: конс.+л+ѣ—ѣ+конс.“ (75—222).

„Глава I. Послѣдовательность ол—лѣ“ (75—162).

„ „ II. „ ло—лѣ“ (163—185).

„ „ III. „ ел—лѣ“ (186—198).

„ „ IV. „ ле—лѣ“ (199—218).

„ „ V. Заключение перваго отдѣла“ (219—222).

Дополненіе (223).

Въ I—IV главах (стр. 75—218) автор придерживается слѣдующаго порядка изложенія: Сначала разсматриваются данныя сочетанія в русском языкѣ (75—88, 163—165, 186—188, 199—200), затѣм, в языках польском (88—95, 165—167, 188—189, 201—203), полабском (95—100, 167—168, 189, 203—204), в обоих лужицких, нижнем (100—103, 168—169, 189, 204—205) и верхнем (103—106, 169—170, 190, 205—206), в чешском и словацком (106—130, 170—174, 190—192, 206—207), в словенском и „байкавском“ (130—134, 174—177, 192—193, 207—208), в сербо-хорватском (134—140, 177—179, 193, 208—209), в дако-славянском (140—144, 179—180, 194, 209—210), болгарском (144—151, 180—182, 194—195, 210—213) и старословянском (151—157, 182—183, 196—197, 213—217). В концѣ же каждой главы словянскія слова, подходящія под разбираемую категорію „плавнаго сочетанія“, сравниваются со словами других (аріевропейских) языков (157—162, 184—185, 197—198, 217—218).

Изложив вкратцѣ содержаніе книги г. Кочубинскаго, перехожу теперь к разсмотрѣнію ея достоинств и недостатков. Это разсмотрѣніе ознакомит нас тоже подробнѣе и с самим содержаніем диссертациі, и покажет, что суть всего составляет здѣсь одна предвзятая и ничѣм не доказанная мысль

о безусловном старшинствѣ и древности „русскаго языка“, в сравненіи с другими „славянскими нарѣчіями“.

Так какъ недостатковъ в книгѣ г. К-го, — какъ по количеству, такъ и по вѣскости каждаго изъ нихъ, — несравненно больше, нежели достоинствъ, то и начнемъ с. разсмотрѣнія недостатковъ. При этомъ мы поставимъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: Насколько г. К. исполнилъ необходимыя условія произведеній научно-индуктивнаго характера?

I.

Однимъ изъ такихъ необходимыхъ условій успѣха индуктивнаго изслѣдованія является критическое отношеніе къ источникамъ, которыми пользовался авторъ, и къ фактамъ, легшимъ въ основаніе его выводовъ.

Отношенія г. К-го къ источникамъ и фактамъ нельзя все назвать критическимъ.

Такъ напр., онъ считаетъ *Mater Verborum* памятникомъ безусловно подлиннымъ (стр. 80 и др.), не смотря на прежнія сомнѣнія и на послѣднія довольно вѣскія и убѣдительныя возраженія противъ подлинности большинства чешскихъ глоссъ этого памятника⁽¹⁾. Объ этихъ сомнѣніяхъ и возраженіяхъ г. К. долженъ былъ знать и, не признавая ихъ, опровергнуть ихъ хоть въ нѣсколькихъ словахъ.

Ссылаться на изданія В. А. Мацѣвскаго (W. A. Maciejowski) (стр. 94 и др.) можетъ только человѣкъ, или не ознакомленный съ незавидными свойствами этихъ изданій, или же не считающій подобныхъ свойствъ с научной точки зрѣнія ничѣмъ предосудительнымъ. Извѣстно, что г. Мацѣвскій во все не дорожитъ при изданіяхъ памятниковъ точностью и добросовѣстностью, такъ что всѣ его изданія носятъ на себѣ отпечатокъ крайней недобросовѣстности, торопливости и ненаучнаго дилетантизма. А между тѣмъ выловленная в одномъ изъ изданій г. Мацѣвскаго форма *paraľna* (!!)(94) принимается г. Кочубинскимъ какъ нѣчто несомнѣнное, и на ней строится одинъ изъ его крайне неудачныхъ частныхъ выводовъ.

⁽¹⁾ См., между прочимъ, V. Jagic 'Die Fälschungen in der Mater Verborum des Prager Codex'. (Archiv f. slavische Philologie. III. Berlin. 1878, 112—123).

Примѣры форм болгарскаго языка берутся г. К.-м не только из подлианных и добросовѣстных изданій, но тоже из таких изданій, как сборники г. Верковича, неподложность которых мы имѣем полное право сильно заподозривать. Кю, как г. Веркович, мог с меркантильною цѣлью сочинить эпическія словянскія пѣсни о Вишну, об Орфеѣ, об Александрѣ Македонском и т. д., тому, я думаю, ничего не стоило сочинять тоже пѣсни с другим содержаніем.

Исслѣдователь, берущій примѣры из таких бы то ни было письменных памятников, должен справляться с элементарными требованіями палеографіи. Элементарныя же требованія палеографіи весьма просты и незамысловаты.

Прежде всего слѣдует допускать возможность простых описок, и, выдумывая разныя гипотезы и глубокомысленные выводы, не пользоваться очевидными или же хотя бы только возможными описками. Между тѣм г. К. является в этом отношеніи далеко не разборчивым, считая описки явленіями равноправными с написаніями, в самом дѣлѣ характеризующими памятники известной категоріи. Он ловит эти разныя описки и на них строит выводы и теоріи. Ср., напримѣр, допускаемая г. К.-м серб. *чолвѣк* (86), *valastelin* (142), *Вольжась* (140), польск. *mlowenye*, *mlowicz* (?) (94, 92), чешск. *Jaur*, *Jaurnik*, *Jaurow* (129), стсл. *скръпиинъ* (155) и т. п. Точно так же, допуская ѣ вм. *жд* в языкѣ стсл.-ом, *жс* вм. *жд* в болг., серб. и стсл., *дз* (дз) в болг., *з* вм. *жд* в стсл.-ом и малорусском (36), г. К. или смѣшивает возможные описки рукописей с особенностями языка, или же не принимает в соображеніе спеціальныя условія, которыми можно объяснять в данном нарѣчій подобную замѣну стсл.-го *жд*.

При этом для г. К.-го совершенно безразлично, встрѣчается ли известное написаніе только один раз, или же оно постоянно повторяется. Так, между прочим, сам г. К. заявляет, что в Остромировом Евангеліи „основа эта“ (т. е. *плоть*) „пятнадцать разъ — въ неизмѣнной формѣ *плѣт*, въ шестнадцатый съ небольшимъ измѣненіемъ — *плѣт*“ (164), а между тѣм оба эти написанія, один раз попадающееся *плѣт* и 15 раз встрѣчающееся *плѣт*, для него совершенно равноправны. Развѣ это не значит ставить описки на одну доску с настоя-

щими написаниями рукописей; и так по тѣм, так и по другим дѣлать равносильныя заключенія? То же самое относится къ Зографскому Евангелію, въ которомъ тоже постоянно имѣется *пльть*, и только разъ (Матѣ. XVII, 49b) попадаетъ *пльть* (Jagic, Archiv für slavische Philologie II. 211), издаваемое г. К-мъ за нѣчто особенное (164¹⁾) и т. д.

Не удивительно, что при такомъ безцеремонномъ обращеніи съ элементарными требованіями палеографической техники г. К. вводитъ ложныя показанія на памятники. Он совершенно произвольно, по примѣру Миклошича, допускаетъ стсл. *слъза*, употреблявшееся же безразлично рядомъ съ *слъза* (199); между тѣмъ какъ въ Lexicon'ѣ Миклошича стоитъ, правда, во главѣ статьи *слъза*, но въ приводимыхъ имъ примѣрахъ только или *слъза*, или же *слеза*. Допускаемые же г. К-мъ слова *блъзати*, *блъскъ*, *кльмж*, *кльжъ*, *пльвити* (199) даже Miklosich приводитъ въ видѣ *блъзати*, *блъскъ*, *кльмж*, *кльжъ*, *пльвати*. Между прочимъ, подъ словомъ *блъскъ* мы находимъ у Mikl.-а:

„*кльжъ*, *кльжъ* Manassis chronica saec. XIV bulg. = *кльжъ*“. Стало-быть, *блъскъ*, правда, встрѣчается, но только въ памятникѣ болгарской рецензіи XIV ст. Только невнаніемъ строя стсл.-го языка можно объяснить себѣ предположеніе г. К-го, что *блъжъ* или хотя бы даже *блъскъ* возможны, какъ старославянскіе рефлексы этого слова, тогда какъ въ стсл. возможенъ на единственно форма *кльжъ* (ср. *скѣтъ*, *цѣкъ* и т. п.) (см. ниже). См. тоже стр. 213—214.

То же самое можно сказать о формѣ *пльза* (вм. *плъза*), вѣроятной опискѣ, встрѣчающейся въ памятникѣ только XVI ст. (у Mikl. меп.-леор.), и издаваемой г. К-мъ (155) за настоящую стсл.-ую форму.

Нельзя не замѣтить, что г. К. упускаетъ изъ виду столь обычное въ рукописяхъ смѣшеніе начертаній и ихъ комплексовъ, въслѣдствіе смѣшенія въ языкѣ соответствующихъ имъ звуковъ и сочетаній звуковъ. Тамъ, между прочимъ, извѣстно, что для писца Остромирова Евангелія *оу* и *ж* обозначали безразлично *у* (напр. *дрюжѣ* вм. *дружѣ* и т. п.). Нѣчто подобное относится, по всей вѣроятности, и къ встрѣчаемому въ памятникахъ русской рецензіи (Свят.) написанію *скръиниъ* отъ „инославянской“ (?) „основы *скорн*“ (155). Для русскаго писца *рѣ* или *ръ* старославянскихъ памятниковъ могло казаться тождественнымъ *ор* или же *оръ* (*оръ*); ср. стсл. *тригъ* = рус.

тор и т. п. А еще вѣроятнѣе, что пропуск *о* в *скръпѣиинѣ* (вм. *скорѣиинѣ*) есть простая описка.

Г. К. проявляет азбучный субъективизм или произвол, утверждая, вопреки палеографическим данным, что буква *ц* произошла из слитія в одно цѣлое букв *ш* и *ч* (!) (40, 49, 49—50 и др.), доказательства чему приводятся, между прочим, из „пражских глаголических отрывков“ (40, 50), представляющих несомнѣнные слѣды чешскаго вліянія, и повтому несправедливо считаемих г. К.-мъ памятниками чисто старословянскими. Еслиб в русской азбукѣ *ц* не значило *шч*, г. К.-му даже в голову не пришло бы утверждать, что стел. *ц* есть обратительный знак вм. *ц* и *ч*. — Ставя же „пражскіе глаголическіе отрывки“, равно как и памятники болгарской, русской и сербской рецензій поздняго времени (XIV и даже XVI ст.) на одну доску с древнѣйшими памятниками стел.-ой письменности, наш автор высказывает грубое незнаніе относительнаго достоинства памятников стел.-их.

Г. К. высказывает очевидную палеографическую неправду, противорѣчащую всѣм палеографическим данным, утверждая, что „чѣмъ старѣе рукопись, тѣмъ чаще взаимная мѣна *о* и *ѣ*“ (149); что „уже въ старословенскихъ памятникахъ смѣшиваются *ѣ* — и, *ѣ* — ѣ“ (184), что в Зогр. Ев. имѣется *ѣ* вм. *ѣ* (151 — слѣдствіе непониманія фонетики стел.-ой), и т. д. Всѣ эти утвержденія можно объяснить себѣ или тенденціозностью, или же наивностью почтеннаго автора.

Кромѣ этих и им подобных случаев, г. К. выказал непониманіе фонетическаго строя стел.-го языка, непониманіе отношенія древняго стел.-го языка к его позднѣйшимъ видоизмѣненіямъ и, наконец, незнаніе объясненій, данныхъ другими учеными, — заявляя, что *е* и *о* в словахъ *проклѣнѣше*, *четвертьтокъ*, *прибѣжитокъ*, *начатокъ* и т. д. „блочною глаголиты“ древнѣе *ѣ* и *ѣ* в стел.-ой формѣ *проклѣнѣше*, *четвертьтокъ*, *прибѣжитокъ*, *начатокъ* и т. д. (215, 156), между тѣмъ какъ совершенно наоборотъ *е* развилось изъ *ѣ*, а *о* изъ *ѣ* при исчезновеніи *ѣ* или *ѣ* слѣдующаго слога.

Разсматривая полабскія слова, сохраненныя в рукописях, г. К. безусловно вѣритъ буквамъ, записаннымъ Нѣмцами (99), и такимъ образомъ смѣшиваетъ буквы и звуки. Точно такъ же г. К. вѣритъ буквамъ западно-славянскихъ (полабскихъ, лужицкихъ и т. п.) словъ, попадающихся в латинскихъ грамотахъ (98), и не смущается вовсе соображеніемъ, что вѣдь эти сло-

ва записывали Нѣмцы, только с трудом отличавшіе особенности словянских звуков. Само собою разумѣется, что правописанію памятников чешских или же чешско-латинских г. К. вѣрит безусловно (115), забывая при этом, что, если ему, г. К-му, равныя предвзятія теоріи и заднія мысли не позволяютъ прийти въ какому бы то ни было результату, то тѣмъ болѣе ложная латинско-византійская теорія о необходимости особаго гласнаго (vocalis) в каждом слогѣ должна была мѣшать средневѣковымъ писцамъ изображать с надлежащею точностью звуки и слоги чешскаго языка и другихъ языковъ с подобнымъ же строеніемъ „плавныхъ“ слоговъ.

Г. К-му „правописаніе итальянское Далмаціи — *ch*“, гдѣ теперь *č*, говоритъ о „звуковой близости *h* и *č*“ (39), между тѣмъ какъ это правописаніе рѣшительно ничего не говоритъ въ пользу теорій г. К-го.

Въ виду всего этого, въ виду рабскихъ, неумѣлыхъ заключеній г. К-го по буквамъ о звукахъ, нельзя не удивляться его развязности и смѣлости, съ которыми онъ позволяетъ себѣ упрекать „школу болгаристовъ“ за то, что она „держится буквы“ (153).

Ниже увидимъ, что для г. К-го логика вовсе не существуетъ, и что ему не достаетъ чутя для самыхъ элементарныхъ требованій строгаго мышленія. Утверждать на одной страницѣ, что *A* черно, а на другой, что оно бѣло, г. К. никогда не затрудняется. Поэтому не удивительно, что, придерживаясь въ иныхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, буквъ памятниковъ и при своихъ выводахъ ни на волосъ отъ нихъ не отступая, онъ въ другихъ случаяхъ позволяетъ себѣ въ этомъ отношеніи безпримѣрныя вольности. Такъ напримѣр, записыватели полабскихъ словъ по новоду словъ *chale* (!), *gale* (!) (желтъ?!) называются „неумѣлыми“ (189), между тѣмъ какъ прежде мы слѣпо имъ вѣрили.

Точно такъ же разъ г. К. вѣритъ безусловно правописанію старыхъ памятниковъ чешскихъ, другой разъ самъ указываетъ на ихъ неточности въ обозначеніи звуковъ. — Затѣмъ, съ одной стороны г. К. вѣритъ безусловно правописанію старыхъ чешскихъ памятниковъ (напр. 115 и др.), съ другой же отрицаетъ значеніе и фонетическую точность теперешняго правописанія Чеховъ, Хорватовъ и Сербовъ, какъ и вообще отрицаетъ значеніе всѣхъ памятниковъ, тѣмъ или другимъ образомъ противорѣчащихъ его выдумкамъ (напр. 117 и др.). При этомъ

совершенно игнорируется образцовая точность правописания В. С. Караджича, с таким неподражаемым искусством умевшего определять малейшие тонкости сербского ударения и других фонетических особенностей сербского языка.

Отношение г. К-го к стсл.-им памятникам характеризуется, между прочим, следующими выражения и утверждениями:

С одной стороны, в „*пърди, пърети, върме, пъретно, слоузи, сьма*“ и т. д.“ (!) в „глагол. апостолъ Михановича (XII в.)“ (он же „серб. еванг. до 1200 г.“, ср. 87) ъ выражает отдѣльный „вокал“ (81), и, напримѣр, „вокализация *върме*“ является „мостомъ между *врѣма* и *верте*“ (87);

с другой же, „Слово *крестъ* нѣмецкаго происхожденія“, (!) „и въ старословенскомъ языкѣ оно звучало *крѣтъ*, хотя писалось *крѣтъ*“ (!) (88) (сколько слов, чуть ли не столько же ложных показаний и извращеній истинны).

крѣвъ обозначает *кровь*, *крѣтъ*—*крестъ* (183), „известное равенство: $\text{'}=z$ (ъ), а z (ъ) въ свою очередь $\text{'}=o$ “ (148), стало-быть: '=o (ср. тоже стр. 149, 148 строка 20—22, 152 строка 4—5, 156 строка 7—9; 196 строка 11—12 и т. д.),

лъ и лз обозначают де *ле* (212), но точно так же они обозначают *л* (!), и, наоборот, *ле* выражается тоже через *ле* (сколько тут ни чѣм не стѣсняющихся противорѣчій!).

См. тоже стр. 215 строка 3—1 сн.—стр. 216 строка 1. „*блѣскъ* есть условное“ (!) „выраженіе формы *блескъ*, как *кльн* — *клен*“ (216).

Затѣм см. стр. 155 строка 12—22,

„153 „ 4—1 сн.—стр. 154 строка 1 [„Пропускъ *з* былъ бы невозможенъ“, (?) „если бы звукъ, изображаемый имъ, произносился послѣ *л*: отъ *л* нельзя догадаться къ *лз*“, (?) „съ удареніемъ на *з*“, напротивъ, пропускъ *з* весьма простъ, если *з* въ живой рѣчи стоялъ впереди *л* и писался только послѣ *л*“ (!)],

стр. 182 строка 1 сн.—стр. 183 строка 1—4,

„языкъ зналъ вокалъ предъ *л* — рукописи ставили его послѣ *л*, — и рѣдка описка — впереди“ (196—197).

А развѣ это не вопіющее противорѣчіе раз утверждать, что *лз* читали какъ *ло* (164 и др.), другой раз, что его читали какъ *ол* или *л*, или „равличать двѣ формы старослов.

сочетанія лх" (167 и др.)? Значит, все можно читать, какъ угодно.

И так мы видим, что при палеографико-лингвистическихъ изслѣдованіяхъ для г. К-го не существуетъ другаго критеріума кромѣ чистѣйшаго произвола. Если онъ в хорошем, игривомъ расположеніи духа, то безусловно вѣритъ буквамъ, и даже опискамъ; находясь в мрачномъ настроеніи, онъ позволяетъ себѣ отступать отъ нихъ до неопозволительности, забывая, конечно, что такимъ путемъ вносится хаосъ въ вѣковую бы то ни было науку.

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что хаотическое правописаніе памятниковъ, писанныхъ латинскими буквами, равно какъ и отдѣльныхъ словянскихъ словъ, попадающихъ въ латинскихъ грамотахъ, удостоивается относительной милости со стороны г. К-го, и онъ ему почти всегда безусловно вѣритъ (см., м. пр., 96—99). Досталось же за то правописанію кирилловскихъ памятниковъ, с которымъ г. К. обращается вполне безцеремонно, считая его почему то „неяснымъ“ (195) и обвиняя писцовъ стсл.-ихъ чуть ли не в идиотизмѣ. Ибо, кто, имѣя полную возможность различать, нарочно смѣшиваетъ столь различныя сочетанія звуковъ, какъ ол (ѣл) и лх (ло) (вхлхъ... . . ., 183), — а в такомъ именномъ смѣшеніи обвиняются г. К-мъ стсл.-іе писцы, — тотъ даетъ себѣ *testimonium* крайней умышленной раupertatis. К. сожалѣнью, г. К. взведъ напраслину на стсл.-ихъ писцовъ, которые гораздо выше его стояли в пониманіи строя стсл.-го языка, и своими разглагольствованіями доказалъ, что онъ самъ совершенно не понимаетъ правописанія старословянскихъ памятниковъ (ср., между прочимъ, стр. 153—156).

Желая оправдать свои частныя произвольныя выдумки об. отношеніи буквъ стсл.-ой письменности къ звукамъ стсл.-го языка, г. К. изводилъ выдумать даже какую-то „шкѣлку“ древнихъ „славистовъ“, рѣшившихъ почему то не называть вещей собственнымъ именемъ и изображать звуки в извращенномъ порядкѣ. Это былъ бы в самомъ дѣлѣ пріемъ достойный многихъ византійцевъ и схоластиковъ, у которыхъ помраченіе ума доходило до крайнихъ предѣловъ. Но было бы весьма несправедливо заподозривать изобрѣтателей стсл.-ихъ азбукъ и вообще писцовъ стсл.-ихъ в подобныхъ хитрооплетняхъ, когда вся система стсл.-ой

азбуки в примѣненіи к звукам стсл.-го языка свидѣтельствует об их здоровом разсудкѣ, о тонкой наблюдательности и мѣт-ком пониманіи как природы звуков, так и задачи их письменнаго изображенія. Но спрашивается, откуда г. К. почерпнул свои свѣдѣнія о выдуманной им школѣ? Послушаем-те всѣх его соображеній по этому поводу:

„Это употребленіе формулы *лз*, *рз* для изображенія несомнѣнныхъ слоговъ: *вос. + л*, *р я могу понимать*, какъ приѣмъ школы, результатъ преемственного пониманія школьной формулы *лз*, *рз*.

„Въ виду указанныхъ отступленій рукописей, въ виду указанныхъ соображеній о преемственной передачѣ пониманія „словѣньскаго“ письма, я *смѣю полагать*, что загадочная формула *лз* есть школьный, условный графическій приѣмъ для изображенія слога *вос. + л* или *лз*, подобный приѣму старочешскихъ рукописей *ly*, *ry* вм. *zl*, *zr*“ (156).

„Если одна и та же основа могла изображаться то съ сочетаніемъ *лз*, то съ сот. *ел*, *ьл*, при чемъ правописаніе *ел*, *ьл* лишь какъ изъятіе изъ правила, „описка“, то, принявъ во вниманіе, что „описка“ обусловливается живою рѣчью забывшаго на минуту школьную традицію писца — болгарина или серба, *необходимо полагать*, что правописаніе *лз* было лишь условнымъ приѣмомъ школы, прикрывавшимъ собою не соответствующій ему фактъ языка — сочетаніе *ел*, *ьл* (*лз*)“ (196).

„Въ памятникахъ этихъ“ (стсл.-их) „необходимо различать фактъ правописанія — *обычай школы* — отъ факта языка“ (197).

„Естественно, переносъ *з* на-лѣво отъ *л*, *р* былъ бы невозможенъ если бы не было къ тому повода въ языкѣ, въ живой рѣчи писца, — языкъ вынуждалъ послѣдняго *casite* отступать отъ *традиціоннаго приѣма*“ (?) (155). И т. п.

Слѣдовательно, никакихъ положительныхъ доказательствъ существованія подобной школы, занимавшейся де ереографическими хитросплетнями, не имѣется, и эта „школа“ является чистою досужною выдумкой г. К.-го.

Не понимая письменности памятников, которыми пользуется, автор не исполняетъ элементарныхъ условій критики с точки зрѣнія палеографии. Безкритичность же общелингви-

стическая явствует из смѣшенія г. К-мъ букв и звуков вообще. Доказательствами смѣшенія букв и звуков служатъ, во первых, выше приведенныя рабскія заключенія по написанію словъ в памятникѣхъ о звуковомъ составѣ словъ в языкѣхъ (ср. в особенности стр. 81, 87, и др.) и затѣмъ слѣдующія мѣста в книгѣ г. К-го:

„иъ“ (т. е. *kj, k'*) считается чѣмъ-то совершенно отличнымъ отъ *h (tj)* (35, 42—43 и 43), а *иъ* — отличнымъ отъ *h (dj)* (36, 45) (ср. тоже стр. 42).

„мы и въ настоящую минуту видимъ свободное употребленіе въ устахъ одного и того человѣка — то *dj*, то *zj*, да же *h*“ (45).

ol в *zlosa* (*zôlc*) Флоріанской Псалтыри обозначает не непременно *ol*, а не *ol* (*ul*) (188).

Если рядомъ с *ryln* встрѣчается в чешскихъ памятникахъ *plyn*, то наш авторъ видитъ в этомъ только „свободную перестановку глухаго вокала“ (118), а дальше нейдетъ, ничего не подмечая и ничего не соображая, между прочимъ не принимая во вниманіе имъ же самимъ приводимой формы *ply* (119).

„самый звукъ *e* есть ничто иное, какъ приблизительный выразитель многихъ соприкасающихся звуковъ“ (9¹).

„обычно при *l* развивается призвукъ *e*“ (18), тогда какъ на самомъ дѣлѣ в словенскомъ и *e* и *l* существуютъ только в написаніи, в языкѣ же нѣтъ здѣсь ни *e*, ни *l*.

Въ кайкавскомъ нарѣчьи, что между Дравой и Савой, обычно, чѣмъ въ болгарскомъ, является *e* гдѣ мы бы ожидали, (почему?) „о . . .“ (30—31).

„рождество почти постоянно является съ формой *ж* и его“ (кого?) „видонамѣненіями: *ш, ѡ, вѣ, h*“ (55). Здѣсь *ж* выражаетъ собственно звукъ *z* (или *s*), развившійся изъ *h* при исключительныхъ условіяхъ, нашъ авторъ же не въ состояніи подозрѣвать нѣчто подобное. Для г. К-го достаточно написать *ж*, чтобы звуки, имъ обозначенные, сдѣлались идентичными. Для него (г. К-го) звуки, обозначаемые латинскими буквами *j, ch, h, g* в польскомъ, чешскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, французскомъ, англійскомъ и т. д. должны быть тоже, при одной и той же буквѣ, вполнѣ тождественны.

Подобнаго рода наивность заставляетъ автора считать *ж* в полабскихъ словахъ, записанныхъ Нѣмцами, обозначающимъ звукъ *z* (*z* польскаго, чешскаго и вообще латино-славянскаго алфавита) (63). Г. К. даже не подозрѣваетъ, что *ж* здѣсь

имѣетъ назначеніе нѣмецкаго *z*, т. е. должно обозначать *ц* (*c*) или *жа*, за неимѣніемъ особой буквы, *дз* (*dz*), и что для обозначенія звука *з* (*z*) Нѣмецъ употребилъ бы скорѣе всего букву *z*.

Въ русскихъ *желтъ*, *желкнуть*, *желчь* и т. п. г. К. не слышитъ вовсе гласнаго *о*, а видитъ гласный *е* (70, 103, 186 и т. д.).

Польскія *rolk* (собственно *rolk*) и *rułk* отличаются только написаніемъ, а вовсе не произношеніемъ, какъ утверждаетъ г. К. (71).

Написаніе „словенскаго *volk*“ (70) есть результатъ произвола и смѣшенія буквъ и звуковъ.

Въ написаніи полабскаго слова *billjawe* г. К. считаетъ *i* „вокальнымъ наростомъ“ (204), звукъ же „*a* на почвѣ полабскаго языка отвѣчаетъ, или замѣняетъ, рус. *a*“ (204) (что совершенно невѣрно и не критично), с другой же стороны, „*a* можетъ выражать и вообще неопредѣленный звукъ, между прочимъ, *e* — *ь*“ (204).

„Переходъ или усиленіе *e* въ *o*, какъ только на немъ стоитъ“ (!) „удареніе“ (186).

Само собою разумѣется, что для столь критическаго изслѣдователя, какъ г. К., сомнительные факты имѣютъ такую же цѣну, какъ и несомнѣнные. Такъ, между прочимъ, весьма сомнительно

считать слово *неборакъ* словомъ русскимъ (59),

звукъ же *ѣ* в кайбав. „*ječ*, *ječe*, *roweč*, *roweče*“ „равносильнымъ смягченію *dj*“ (58—59),

„*жд* в стсл.-омъ („словѣньскомъ“) считать тождественнымъ *ж*, *з*“ (59),

навязывать стсл.-у языку слово *слзза* (с *з*) (70), и затѣмъ *орба*, *крѣтъ* (!) (70),

принимать для русской „живой рѣчи“ слово *яблоко* (164), для старосербскаго яз. *волк*, *воук* (71), для словацкаго *m'ko* или *m'ko* (172, 207), для старопольскаго *volodarius* (80'),

считать усвоенныя изъ русскаго болг. слова *прижани*, *рожатъ*, *чужа*, *клажатъ* (?) чисто болгарскими (61),

утверждать, что „*Бомаринъ* говоритъ безразлично“ (!) „*пруды*, *преди*, *преди*, *преди*“ (85), *сѣнце* или *слѣнце* (110—111) и т. п. (144) и т. д. и т. д.

Вообще можно сказать, что г. К. доводит сомнительные случаи спорадических псевдопереходов звуков, и на них строит свои выводы.

Г. К. допускает невозможныя, никогда не существовавшія, выдуманныя формы в разных славянских и других языках. Напримѣр:

серб. *наполни* в „да имъ есть наполни“ (136), *свѣѣа* (39),

стсл. *цѣтль* (18), *падль* (18), род. ед. ж. „црѣве панонскѣхъ“ (131); *юудейатль*, — *тѣ* (43), *жльнъ* (73),

словенс. 1 ед. *kolni* (176, вм. *kolnem*),

чешск. *kluzatā* (106, вм. *klouzati*),

польс. *brwa* (166, вм. *brew*).

Стсл. слово *свѣа* (187 и др.) есть не собственное изобрѣтеніе автора, но он повторяет его без разбора, *juvans in verba magistri*, i. e. Miklosichii, хотя впрочем в одном мѣстѣ (214) он спорит с Миклошичем по поводу этого слова,

(111) Весьма похвальна скромность, с которою г. К. не считает себя „специалистомъ въ области инославянскихъ языковъ“ (158). Я думаю, что тою же скромностью слѣдовало руководствоваться и относительно языков славянских, потому что и в области этихъ языков г. К. является далеко не специалистом (доказательства почти на каждой стр. сочиненія г. К-го).

Не смотря однакож на всю свою скромность, г. К. тѣм не менѣе не отказывает себѣ в удовольствіи приводить разные „инославянскія“ слова в выдуманной, исковерканной формѣ.

Таковы, между прочимъ, литов. *pačas* (29, вм. *paūjas*), *žalas* (198, вм. *žailas*) и т. п., латин. *billis* (198, вм. *bilis*); *рѣина* (26), готское *vargs* (homicida) (159). В готск. словаряхъ приводится **-vargs st. m. geächteter Missethäter*, но только какъ вторая часть сложнаго слова *launa-vargs, st. m., der Undankbare*, 2. Tim. 3, 2: *launavargos = ἀχαρίστοι*), санскр. *dama* (29) и т. д.

Затѣм, г. К. выдумалъ какой то новыи законъ сербскаго ударенія (88), прибѣгая при этомъ к совершенно не подходящему сравненію (88^а).

Г. К. выдает за исключительную особенность одного діалекта, в противоположность другому, то, что составляет в том другом діалектѣ самое обыкновенное явленіе.

Так напримѣр, вслѣдствіе смѣшенія букв и звуков, и в *sgilna* считается исключительною особенностью нарѣчія Кабатков, чуждою языку польскому (188), тогда как *o* в польском *sgolno* выражает именно и (у).

Наконец, г. К. не довольствуется выдумываніем слов и звуковых законов, но выдумывает тоже „русскихъ славистовъ XI ст.“ (!) (77).

Очевидную неправду гласит автор, утверждая, что польское *ol* „сохранилось лишь въ немногихъ словахъ, какъ память о формациі, болѣе ранней“ (90),

что „Живая рѣчь известной части русскаго народа давно уже не знаетъ *ol*, а одно *al*“ (98) (при чем автор забываетъ о случаях, когда *ol* произносится с удареніем),

что „паразитные вокалы“ появляются „при стеченіи двухъ вообще консонантовъ“ (83),

что „зъ проявляется“ у Словенцев „въ видѣ *o*“ (174) (равнѣ только при специальныхъ условіях, о которых, как кажется, г. К. не имѣетъ ни малѣйшаго понятія; см. ниже),

что „русск. *ol* на почвѣ литовскихъ нарѣчій обычно въ формѣ *il*“ (158), или что, „по общему закону рус. *ol*—*al*—лит. *il*“ (158—159),

что „форма“ *ol* (*ou*) „искони бытовала“ „въ словенскомъ языкѣ“ (152),

что въ Дебри „сохранилось и *z*=*o*, *z*=*e*, часто жъ *vm. ood*“ (51),

что „санскритскій вокаль *l*“ „возводится“ „къ сочетанію“ *ol*, *ul* (126) (при чем г. К. забываетъ о санскр. *r*),

что Курціус (Curtius) „предложилъ отъ имени Общества князя Яблоновскаго въ Лейпцигѣ тему на сопоставленіе общій награды: „Объ отношеніи языковъ литовско-славянско-германскихъ““ в 1875 году (11), между тѣмъ какъ эта тема была предложена Курціусомъ еще в 1871. Г. Кочубинскій же, измѣнивъ на обум год 1871 на 1875, распускаетъ пѣлую вереницу выдумокъ, подпуская громогласныя фразы о „шатающемся положеніи“ того, чего до 1871 г. нѣмало еще не распатывалъ.

Каждому лингвисту, а тѣм болѣе лингвисту, избравшему себя предметом изслѣдованія какой нибудь спеціальный фонетическій вопрос, слѣдовало бы ознакомиться хоть сколько нибудь с физиологіею звуков. Между тѣмъ для г. К-го физиологія звуков является совершенною *terra incognita*.

Отсюда разныя наивныя объясненія отношеній и измѣненій звуков (30¹), 35, 44, 64, 81, 82, 83, 98, 99, 111, 112, 132, 132¹), 56, 171, 156, 173, 125, 180, 173—174, 49, 56, 182, 140, 77),

отсюда темныя и непонятныя выраженія, отдающія жреческою таинственностью (162¹),

отсюда смутныя, темныя понятія о „глухомъ звукѣ“ (110, 119 . . .);

отсюда добродушные рассказы о „поразительныхъ (!) звукахъ“, о „глухихъ (паузахъ)“ (177), об „окрашиваніи“ паразита въ *o* (177), о *l* т. е. *ył*“ (128, 170, 171), о *l*, т. е. *zl*“ (152, 171, 178—180, 180, 181, 205—206, 206, 207, 191),

о словахъ в родѣ *syłz* (*syulz*) (!) (207), *vyuyn*, *vyulk*, „гдѣ ясно слышится *y* въ два такта“ (110),

о том, что „Присутствіе глухаго особенно ясно, когда темцъ требуетъ протяженія — *vyuu . . . łk*: тянется осязательнo вокаль, а *ł* безъ движенія“ (110),

о том, что „*d* мягкое въ *zł*, *kł*, а предъ гортаннымъ *ж* перешло въ *ш*“ (63),

об измѣненіи *j*, входящаго в состав *r'* (*гj*), в *ž* и затѣмъ в *z* (!) в польском, чешском, верхне-лужицком (!) (64, 57—58, 58) (при чемъ о наивномъ смѣшеніи буквъ и звуковъ нечего и говорить),

о переходѣ *j* в *ж* (53, 54, и др.) (при чемъ авторъ то сомнѣвается, то отдѣляется пустыми фразами);

отсюда непониманіе „вокализаціи вокала“ (135),

отсюда непониманіе взаимнаго уподобленія гласнаго и согласнаго (81, 82, 181, 85, 183),

отсюда выдумываніе разныхъ законовъ, и исторически невозможныхъ, и логически немыслимыхъ (182, 172, 173, 173—174 и т. д., ср. 175, 176 и т. д.), равно какъ и разныхъ процессовъ в родѣ „простаго метатезиса, не безъ вліянія асимилирующаго дѣйствія формы *ол*“ (165 и т. д.),

отсюда разныя объясненія чисто внѣшнія, „механическія“ (самъ ихъ такъ характеризуетъ на стр. 202), произвольныя (202, 203, и т. д.),

отсюда, согласно с общим характером хозяйственной, допотопной фонетики г. К-го, объяснение явлений языка „евфоническими условиями языка“, „элементом эстетического вкуса“ (84), „подъемом евфоническим“ (149),

отсюда „іотованные вокалы“ (отчего вѣтъ тоже „вокаловъ“ и „консонантовъ“ бетованных, гамованных, дельтованных и т. д.), отсюда „јотація“, как *deus ex machina* объясняющая всевозможныя смягченія согласных (40, 43, 114, 186 и т. д.),

отсюда топорное объяснение чередованія *k* и *t* (43 и т. д.),

отсюда фонетическій мистицизм, выражающійся в курьезных вопросах в родѣ: „не скрывается ли и за чакавско-кайлавско-словенскимъ *j* = русск. *ж* = первичн. *dj* въ словахъ, какъ *теја*, *теј*, *ројен*, свистящій или шипящій звукъ — *z* или *ž*, подобно чеш. *prodej*, — *ja* (!) „изъ“ (!) „*prodeža*“ (58),

отсюда разныя другія т. п. выдумки и фізіологическія безсмыслицы.

Интересно было бы узнать,

какими фізіологически-акустическими свойствами отличается, по мнѣнію г. К-го, „глухой звукъ“ (ср. 119 и т. д.)?

и затѣм, что такое, по мнѣнію г. К-го, гласный („вокаль“), и что такое согласный („консонантъ“) (ср. 153)?

Почему „повятіе долготы и „вставочности“ несовмѣстимо“ (126)?

Что значит: „вовальнук“ службу служить можетъ и каждый консонантъ при неясномъ произношеніи? Почему, „когда русскій говоритъ „сонце“, и имѣетъ тоже значеніе, что чешское *l* въ *vlk*“ (123)?

Что значит „удареніе“ (153 и др.) по мнѣнію г. К-го?

Что значит: „стремленіе о окраситься въ *a*“ (98), или же „окрашиваніе глухаго звука въ *y*“ (151)?

Что значит „спаситель въ видѣ шипящаго звука“ (129)?

Что значит „свойство плавныхъ *мутить* своихъ соотвѣдей“ (130)?

Что значит: „*dj* легко можетъ смѣшиваться съ *tj*“ (45)?

Что значит „огрубѣніе *шч* въ *шт* (изъ *штт*)“ (51—52)?

Что значит „грубоватая форма *дж*“ (54)?

Что значит „чаклая варіація сочетанія“ (191—192)?

На основаніи каких законов *ѵ* перешло в *р* в нижне-лужицком **bloscha* = *ploscha* (169; ср. 167)?

Почему „и“ есть известное усиленіе“ (?) „о“ (191)?

Почему „сложный звук *ждж*“ есть „тяжелый“ (62)?

Каким это образом „основное соч. *дж*, иѣная свое *ј* на шипащій звукъ (какъ изъ *рј* — *рѣ*), превратилось въ *дѣ* (*дж*) изъ *дѣ*“ (62; *дж* — *дѣ* !! = *дѣ*)? и т. д. и т. д.

Я полагаю, что г. К. не мало затруднился бы, еслиб потребовать от него серьезнаго отвѣта на эти вопросы.

За то он охотно злоупотребляет терминами естественных наук. Такъ, между прочим, ему понравилось иностранное слово „паразит“, и он на всевозможные лады оперирует паразитами, видя их на каждом шагу. Фонетическія теоріи г. К-го так и кишат „паразитами“ (21¹), 79, 80, 79—88, 85, 208, 210, 211—211, 211), „вокалами-паразитами“ (6 и др.), „паразитными звуками“ (173—174), спасительными „элементами паразитными“ (50, 62), „паразитною вокализациею“ (82—83, 83, 85, 86), „словами вокализации основной и паразитной“ (85 и др.) и т. п., хотя всѣ эти слова ничего рѣшительнаго не объясняют.

Не удивительно, что такой знаменитый фонетик, как г. К., понимает произношеніе звуков разбираемых им языков далеко не точно.

Так напримѣр, литовскія *с* и *дѣ* тождественны для него с русскими *ч* и *дж* (*дѣ*) (52, 53, 59), так что он считает эти звуки, *с* и *дѣ*, даже общими литовско-славянскими, между тѣм как они гораздо ближе к сербским *ћ* и *ђ*, польским *с* и *дѣ*, итальянским *сі* и *гі*, нежели к русским *ч* и *дж*.

А откуда взято г. К-м свѣдѣніе, что в южно-литовском вм. *с* и *дѣ* имѣются *ts* (= *c*) и *dz* (52)?

То, что говорится о литов. *karasztas*, *garėkas* (82), тоже доказывает, что г. К. не понял вовсе литовскаго произношенія.

„Стеченіе консонантовъ *ѵ*, *л*“ считается „непріятнымъ“ (165), и поэтому мол оно „устраняется“ (165), хотя это совершенно противорѣчит фізіологіи звуков и исторіи языков.

Невѣжеством г. К-го в области славянских языков обусловлены заявленія, что основному *дж* соответствует „въ верхне- и нижне-лужицкомъ“ „*дѣ* (почти *джь*)“ (!! , 63, — когда до-

статочно было справиться хотябы у Mikl. Vergl. Gramm. 1. 495, 509, чтобы убедиться, что в лужицких нарѣчіях в подобных случаях встречается только *a*), в польском *dz* (!, 65, 63) и т. п.

Непониманіе фонетическаго строя стсл.-го языка и вообще языков славянских доказывается тѣм,

что г. К. допускает в стсл.-ом возможность дупствования слова *блскъ* (215, 216),

что, вопреки звуковым законам и логикѣ, видит в *a* отраженіе звуков *a*, *u*, *o* других языков аrioевропейских (29),

что допускает в слов. яз. возможность слова **жърест* (!) (87), —

затѣм оно доказывается утвержденіем г. К-го, что „возможно-сербскому *карст*, *карв*“ отвѣчаетъ без всяких дальнѣйших оговорокъ „далмат. *karst*, *karv*“ (142) и т. п.,

что в русском возможна форма *болоскъ* (216),

что „*блистати* сводится“ непосредственно „къ формѣ *блскъ*“ (216),

что отношеніе „между общерус. *полнъ* и нарѣчнымъ *полонъ*“ такое же, какъ между санскр. *ṛiṇva* (изъ *pariṇa*)“ и староперсидским *pariwa* (8; см. тоже 76) и т. д.

Затѣм, доказательства незнанія фонетическаго строя славянских языков, и малорусскаго в особенности, можно найти на стр. 200 и др.

Незнаніе фонетическаго строя польскаго языка видно из утвержденія, что польск. *reŕen* есть слѣдствіе „удроенія“ вокала послѣ *ŕ*“ (92), что *er* слова *pierszy* измѣнилось в *ir* в „разговорномъ“ *piwszy* (91; ср. Бодуэн-де-Куртене „О древне-польскомъ языкѣ до XIV стол.“ § 77, гдѣ положительно доказано, что *ir* подобных слов древнѣе, и *z* измѣнилось в *e* под влияніем слѣдующаго *r*), что *śloŕce* (с *ŕo*) есть польская форма с древнѣйших времен (71; ср. Бод.-де-Курт. „О др.-поль. яз. до XIV ст.“ § 78, гдѣ показана древнѣйшая форма *ślŕŕce*, в которой затѣм, под влияніем *n*, и перешло в *o*) и т. д.

Незнаніе кашубской фонетики заставило автора видѣть измѣненіе в гласный *e* другого гласнаго только в „этимологическомъ“ (?) „*oŕ*“, переходящем де в *eŕ* (91), тогда как в кашубском *e* является гласным господствующим и замѣнителем разных других гласных. См. тоже стр. 188, гдѣ тоже, вслѣдствіе незнанія этого свойства кашубскаго языка, г. К. дѣлает наивные выводы.

Доказательства непониманія фонетики ниже-лужицкой: „х обоими лужицкими нарѣчіями понимается какъ эквивалентъ о, а не е“ (169); „*plōska*, т. е. *bļōska*“ (?) (169) и т. п.

Доказательства непониманія фонетики чешской: 106 и др.

Доказательства непониманія фонетики словенской (с кай-кавскою): 176—177, 177 (в „*genulzge*“ е признается „пора-зительнымъ звукомъ“), 30—31 (ср. 32) и т. п.

Доказательства непониманія фонетического строя болгарскаго языка: 30, 150, 146, 146¹⁾, 195, 142 и т. д.

Не дав себѣ яснаго отчета в том, что такое, с физиологической точки зрѣнія, с точки зрѣнія произношенія, принимаемые им звуки, напримѣр х и ѣ (220, 107—108¹⁾ и т. д.) и т. п., г. К. оперируетъ неизвѣстными величинами или просто пустыми фразами и ими объясняетъ явленія языка (90 и др.).

Если г. К. не согласен, напримѣр, с общепринятымъ теперь ученіемъ, что х и ѣ отражали этимологически ѣ и ї, и фонетически были первоначально ничто иное, какъ ѣ (краткое u) и ї (краткое i), то онъ долженъ былъ такъ или иначе опровергнуть это ученіе. Но наше требованіе, кажется, напрасно, потому что г. К-му совершенно чуждо названное ученіе. Онъ, при всей своей эрудиціи и начитанности, не успѣлъ с нимъ встрѣтиться, какъ нигдѣ тоже не успѣлъ встрѣтиться съ ученіемъ о соответствіяхъ звуковъ в отдѣльныхъ языкахъ аріевропейскихъ, и поэтому представляетъ наивные выводы и сравненія сочетаній звуковъ, в родѣ отождествленія *il* с *al* (*il* — *al*), или в родѣ того, что „литовское, какъ и аріевроп. *a* на почвѣ славянской = о, слѣдов. вокализація русскаго языка въ *болтаѣ* сравнительно съ лит. *bildeht* еще на ступени доисторическаго литовско-славянскаго единства“ (158) и т. п.

Только отсутствіемъ достаточной подготовки и вообще незнаніемъ современнаго положенія сравнительной грамматики аріевропейскихъ языковъ можно объяснить себѣ то, что г. К. видитъ в языкахъ словянскихъ „потерю аблатива“ (3), а

с другой стороны чешск. *luzgatu* называет „abl.“ (172), выказывая таким образом незнание функций падежей.

Г. К. не понимает генезиса форм склонения, предполагая для окончаний дат. пад. ед. ч. м. и ср. р. мѣстоим. и прилагат. *-ети* основную форму **-эти* (-эмоу) (31).

Наивное понятие о склонении вообще высказывается на стр. 166.

Для г. К-го н.-лужиц. форма аор. 2. с. *poklnu* в выражении „*rabby, hley, ta figa, kotomu ty poklnu, ie sezchnula*“ есть 1 с. праес. (169), хотя в другом мѣстѣ (204) она считается аористом.

Незнание истории языка и диалектологии проявляется на стр. 81 и др., наивное понятие об истории языка — на стр. 166 и др.

Г. К. неверно объясняет происхождение и этимологический состав разных слов:

русск. *сѣдло* (18; Mikl. Lexic.: „сѣлао; сѣдла“),

словен. *terdni* (24: *tv'ird'in*),

затѣм предполагаемого стсл.-го клл-ж (179),

в.-луж. „*ples'* при *pliwac'*“; очевидно, простое сокращение изъ *plewac'*“ (205),

болг. *нораз* (84),

малорус. *загарбити* (84) и т. д.

Метод сравнений г. К-го довольно курьезный. Книга его полна неверных, безкритичных и нигде негодных сопоставлений. Так напимѣр,

нѣм. *Wolf* сопоставляется непосредственно с рус. *волкъ* (79),

лат. *mulgere* с *молозиво* (79) и т. д.,

„карп. рус. *што* изъ *чо*“ (!!); е польск. чешск. *со* (51),

„славяцк. *со* = чеш. *со*“ (53), „чеш. *dest* при ген. *cti*“ (53),

рус. *блота* с в.-луж. *tka* (169, 184) и т. д.

Иногда приводятся примѣры совершенно не подходящие, ни к селу, ни к городу. Так напр. чеш. *pokvete*, не известно затѣм обрѣтающееся на стр. 24.

Вслѣдствие незнания звуковых законов и соответствій звуков в отдельных языках аrioевропейских, г. К. допуска-

есть невозможныя этимологіи, находя этимологическую связь там, гдѣ ея вовсе не имѣется. Таким хозяйственным способом (методом) объясняются слова:

рус. *болтать* (158), *холмъ* (159), *волкъ* (159), *дождь* и т. п. будтобы от основы *дод* (61), *блевать* = *плевать* = *зреть* (217), *блескъ* (218), *слеза* (218), *колпакъ* из *клобукъ* (165), *полсть* (185) и т. д.,

малор. „*ковт* вм. *лот*“ (165),

стсл. *оржжикъ* (61, ср. поль. *oręż*),

старочешск. *ješče* (53), чеш. *Vltava* из *Moldava* (!) (124),

поль. „*solonasz* изъ *soljonosć*, *solonosć*“ (93),

серб. *икъ* (86), *орювит* (86), *урикав* (86),

литов. *balsas* (158), *palti* (161, in verba magistri, i. e.

Fickii), *kálnas* (161),

старопрус. *klunker* (? , 185),

„гот. *vargs*“ = *волкъ* (159, в готском нѣтъ такого слова, ср. выше),

нѣм. *holm* (161), *schluk* (184),

греч. *δέ* = стсл. *жде* и *же* (59),

лат. „*coelum* (= *caedlum*)“ (21), *billis* (! вм. *bīllis*) (198, cf. *fēl*, *fellis*), *lupus* (158), *longus* (160), *vulgus* (160, 79, — поля); *blatta* (184), *pullex* (184), *deglūtire* (184—185),

санскр. *√kāl* (198), *gāura* (198), *√sūr* (161) и т. д. и т. д.

Почти всѣ эти этимологіи — чужіе грѣхи, принятые на себя г. К.-м, бессмысленно повторяющим неудачные и ложные выводы. Так напр. Miklosich (Vergl. Gram. I. 303—304), много не думая, высказал слѣдующую догадку: „hängt nicht auch *присоје* (locus arpticus) mit *слънце* zusammen?“ Г. К. ухватился за эту вопросительнаго свойства Миклошичеву догадку и считает ее непреложною истиной. Для него серб. *присоје* и *осоје* (ср. стсл. *осом*, Mikl. Lex. s. v.) происходят от основы *солн* (138, 139, 179, 193), между тѣм как на самом дѣлѣ подобное сопоставленіе совершенно невозможно, названныя же слова, *при-сој-е*, *о-сој-е*, того же корня, что *сп-н-ъ* (тѣнь) (*под сп-н-ю* и т. п.). В силу своего „убѣжденія“ (?) о связи *присоје* с *солнцем*, г. К. счел умѣстным сдѣлать Даниичу выговор и дать ему ироническое наставленіе: „Основа *жод* въ *жодили*, по Даниичу, описка вм. *жоуд* („Рјечник“ I. 343); но она такая же описка, какъ основа *сон* вм. *солн* въ *присоје*“ (193).

Не удивительно, что при такой научной неиспорченности и дѣвственности г. К. не в состояніи формулировать

звуковыя соотвѣтствія и, напримѣр, русское *има* (с его рефлексамъ в другихъ нарѣчійхъ словянскихъ) сопоставляетъ непосредственно с предполагаемымъ *татин*, а *иго* с *југит*, и на основаніи этихъ сопоставленій выводитъ общій законъ о замѣнѣ „латин., греч., арійскихъ“ гласныхъ *а*, *и*, *о* словянскимъ *і* (29).

Объ отличіи при этомъ словъ природныхъ отъ заимствованныхъ г. К. не имѣетъ, конечно, ни малѣйшаго понятія, и безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей литовское *blake* (собственно *blākė*) считаетъ не словомъ, усвоеннымъ изъ русскаго, но только видоизмѣненіемъ литовскаго же *blizd*, являющагося истиннымъ чисто литовскимъ отраженіемъ русскаго *блота* (184).

Само собою разумѣется, что такой ученый, какъ г. К., беззаботно смѣшивающій буквы и звуки, смѣшиваетъ тоже другія различныя вещи, между прочимъ различные звуки, вопреки всѣмъ требованіямъ самой невзыскательной критики. Сюда принадлежитъ:

Смѣшеніе (неразличеніе) рус. *о* = стсл. *о* (о неподвижнаго) с рус. *о* = стсл. *ѡ* (т. е. с *о* подвижнымъ, бѣглымъ) (187: близкоюу, 165: „не дѣйствуетъ на *о*“, 76, 75—76 и т. д.). Такое же смѣшеніе имѣетъ мѣсто с польскими *е* = 1) стсл. *є*, 2) стсл. *ѣ* или *ѡ*.

Затѣмъ, сюда принадлежитъ утвержденіе, что западная вѣтвь словянскихъ нарѣчій „отожествила *ѡ* *ѡ*-рю, т. е. перевела *о* въ *ѡ*“ (!, 29), что в польскомъ „звуковая семья *о*—*ѡ*“ смѣшалась съ семьей *ѡ*—*ѡ*“ (166) и т. д., однимъ словомъ совершенное непониманіе того, что

основно-словянское *ѡ* (*ѡ*) = рус. *о* = поль. *е*;

и „ „ „ *ѡ* (*ѡ*) = „ *ѡ* или *ѡ* = поль. *ѡ* (*ѡ*)

и т. д. и т. д.

Крайнею поверхностностью страдаютъ сужденія г. К-го о нѣкоторыхъ особенностяхъ разсматриваемыхъ имъ языковъ. Говоря о нихъ, онъ вовсе не старается опредѣлить условій ихъ появленія, оставляя въ сторонѣ вопросы: „гдѣ?“ „когда?“ и т. п.

Такъ напримѣр, онъ заявляетъ, что „форма *ѡ*“ „дала *ѡ* въ резьянскомъ говорѣ“ (138), но не изволила сравниться в

моем сочинении („Опыт фонетики резьянских говоров“), когда именно, т. е. в каких словах это и появляется.

Утверждать, что „въ резьянской долинь, говорятъ **безразлично**: *pr̃šal*.“ (?) „*pr̃šil. perčaju*.“ (?) „*paršal*“ (87), „*bolcha*.“ (?) „*bācha*.“ (?) „*hul̃t*“ и т. п. (175), что „въ резьянскомъ говорѣ“ „**одинаково правильны** формы: *zolga, souga, suza*...“ (208) — значит или недобросовѣстно пользоваться трудами других, или же не быть въ состояніи понимать данные, сообщенныя в этих трудах.

Полная безкритичность г. К-го доказывается смѣшеніем поль. *dż* и *dż* и серб. *ѣ*. (36),

смѣшеніем черногорскаго *дж* с *дж* карпаторусским и т. д. (36),

смѣшеніем русскаго *ол* и кайк.-словен. *ol* (181—134, 148),

смѣшеніем *tn* = *n* с поль. *stn, zdn* = *sn, zn* (25),

смѣшеніем *dn, tn* = *n* с *dm* = *m* (24),

отожествленіем отношенія рус. *ночь* к поль. *noc* с отношеніем *čas* к *cas, zona* к *zona* (47—48),

смѣшеніем болгарскаго *шт* (= *tj*) с *шч* в *шчо* (50),

смѣшеніем *жд* с *ж* (из *g*) (59),

смѣшеніем и непониманіем фонетики сербской: „*и*“ (1), какъ звукъ трудно произносимый, славянскій по преимуществу, легко переходить въ *у* или *е*, даже *о*“ (139),

смѣшеніем в латинскомъ *и* из *о* с исконнымъ *и* (184—185), и т. д. и т. д.

Безобразныя смѣшенія, вопреки исторіи языка, видны в названіи „кашубско-полабско-албанскоболгарское *gard* — *gord*“ (8).

Примѣры из отдѣльных славянскихъ языков (полаб., чешск., словен., серб., дакослав., болг., стсл.) и из литовскаго приводятся без критики (80, 80—81, 81, 81—82, 82).

Нѣкоторыя слова г. К. переносит в несвойственную им среду, навязывая им чужую національность. Напримѣр,

литовское *blusa* названо ст.-прусским (184),

„*obuly's*“ латышским (185)

и т. д.

Другія опять слова из иноподцев переименованы в автохтоны, и обратно:

серб. усвоенное *рожанство* и т. д. признается чисто сербским (55),

поль. (отчасти бѣлорус.) *неборака* признается великорусским (59)...

и т. д.

Латинскія или латинизованныя и германизованныя формы считаются словянскими (86 и др.), и на них строятся выводы об особенностях нарѣчій словянских. Напр., чешск. *Zuontibold* (116, 127), *Zuentibaldus* (116) и т. п., откуда вывод о „формахъ *ul, lo, lu, al*“ (!) (117) и т. д.

Г. К. только что забраковал в обзорѣни полабскихъ слов слово *blowotino*, какъ Гнѣзненское, но вдругъ ему стало жалко, и онъ нѣсколькими строками ниже приводит то же самое слово в числѣ полабскихъ (203).

Затѣм, г. К. смѣшивает слова и корни, не имѣющіе собственно ничего общаго между собою:

каш. *połc* (*полть*) с поль. *piłść* (89, — ср. поль. *połeś*), словацк. *pltv* с корнем *plet, plot* (127, 128, 130, 162, 172, 173, 205—206), между тѣмъ какъ они, с этимологической точки зрѣнія, не имѣют ничего общаго между собою, и словацк. *pltv* находится в связи с тѣмъ же корнем, который свойствен словам рус. *плы-ть, плот* и т. п., поль. *plu-nie, plę-twa* и т. п., нѣм. *floß* и т. д., поль. *kłoc* (=кажть!) — рус. *клок* (! = казк) (165, 169), рус. *клокъ* — полаб. *Klockow* и т. п. (167—168), „ *клокъ* — нижнелуж. *klokaś* или *klokaś* (168, 169), „ *клокъ* — чешск. *kloček, klok* (170, 172, 173, 174), и т. д. и т. д.

Г. К. без разбору смѣшивает слова, в состав которых входят сочетанія, отражающія рус. *ол* = стсл. *лз*, с такими словами, состав которых совершенно другой. Сюда принадлежит, между прочим,

слово *желвъ*, стсл. *желвъ*, *желва*, с его видоизмѣненіями в отдѣльных нарѣчіяхъ словянскихъ (186, 190, 191, 193, 194, 196, 198). Это слово находит себѣ отраженіе в греч. *χέλυς* (*χ*, fem.), и его славянская основная форма имѣет в темѣ (основѣ) **želŭv-*, в nominativ'ѣ же **želŭ*, ср. *krŭv-: krŭ-* (крвь), *lŭbŭv-: lŭbŭ* и т. п. А между тѣмъ, приведши названное слово там, гдѣ не слѣдует, г. К. на основаніи этого сказал длинную тираду с притязаніем на новыя открытія в наукѣ.

Затѣм, под ту же категорію подходят слова:

поль. *scorupa* (!), *scorupina* (79), *potłocz* (а не *potłoc*; как у г. К-го, 94) (= *potłocz*, inf. *potłoczyc*; в теперешнемъ

польском переводѣ священнаго писанія; это слово в данном мѣстѣ замѣняется словом *roderpac*: *roderse na ziemi*), и т. д.

Точно так же ни к селу, ни к городу приводится „мазурское“ *siad* (19), которое, говоря мимоходом, есть форма не исключительно мазурская, но общепольская, так как, вслѣдствіе исчезовенія *mucho* і, из *siadł*, *spadł* (фонетически: *siatł*, *spatł*....) развились именно *siat*, *spat*.... (писанья: *siad*, *spad*....) и т. д.

Кромѣ того, так же неумѣстно приводятся слова:

серб. *нарав*, *корак*, *агенат*, *некао*...., *нравя*...., *малин*...., (81),

отсл. *балванъ*.... (148,— ср. поль. *bałwan*), *балванъ* и *балванъ* (155—156),

кашуб. *gałdzic* (97),

серб. *кобасица* (138),

в.-луж. *Wolin* (!) (104) и т. д.

Крайнее невѣжество или, по крайней мѣрѣ, невниманіе выказывает г. К., утверждая, что *ж* в серб. *може*, *ложжак*, *ложжити* имѣется вм. *ѣ* (45).

Г. К. смѣшивает формы положительныя, исторически данныя с предполагаемыми (26 и т. д.).

Г. К. смѣшивает племена, а именно: Резьян и Словенцев (80—81, 131¹), 208), Кайгавцев и паннонских Словян (131), Румын и Словян (179—180), Магьяр и Арийцев (159: „Древнѣйшая арійская форма сохранилась въ магьярскомъ: *farkas*“ [собств. *farkas*, произнос. *farkaš*] „=вольѣ“), Магьяр и Словян (87, 157¹), 175, 192, 82), магьярскій языкъ с словянским (124).

Г. К. без всяких основаній ставит *à priori* отмѣтки говорам и нарѣчіям, и, забрав себѣ в голову, что „консерватизмъ“ есть свойство похвальное, а новизна — свойство неодобрительное, вопреки очевидным фактам, кашубскій „говоръ“ называет „консервативнымъ“ (93¹), 94, 188), нарѣчіе словинцев и кабатков „архаическимъ“, „болѣе старымъ“, кашебское „менѣе консервативнымъ“ (89), „нарѣчіе словенско-кашубское“ „наиболѣе консервативнымъ говоромъ польскимъ“ (89), въкоторыя из чешскихъ нарѣчій, смотря по вкусу, „консервативнымъ“ (125), другія не консервативными, дудлѣбское подрѣчіе „однимъ изъ консервативнѣйшихъ“ (206), словенское нарѣчіе в долині зильской „самымъ убогимъ“ (208).

Русскій языкъ „старѣе, консервативнѣе“ остальныхъ нарѣчій славянскихъ, хотя онъ въ то же время „свѣжѣе“ ихъ (66) и т. д.

При этомъ г. К. поступаетъ себѣ, какъ шулеръ. Для него произвольной подтасовки предполагаемыхъ свойствъ консерватизма и новизны достаточно для того, чтобы опредѣлять связь явленій и дѣлать всевозможные выводы. Къ сожалѣнію, онъ плохой, неискusstный шулеръ, и даже человѣкъ, маломальски понимающій дѣло, въ состояніи уличить его въ произвольной подтасовкѣ.

Кстати можно замѣтить, что все сочиненіе г. К-го построено на такой произвольной подтасовкѣ отчасти совершенно перековерканныхъ фактовъ, вопреки здравому смыслу, логикѣ и исторіи языка.

Г. К. оцѣниваетъ другихъ явно несправедливо и приписываетъ имъ мнѣнія, которыхъ они никогда не высказывали.

Такъ напримѣръ, онъ повторяетъ за Вгéal'емъ небылицу о знакомствѣ Ворр'а „съ славяно-литовскими языками“ (13), отказывая за то въ подобномъ знакомствѣ всѣмъ новѣйшимъ, настоящимъ или же предполагаемымъ, приверженцамъ и защитникамъ теоріи родословнаго древа, Bezzenberger'у, Hugo Weber'у, Jagić'у, Leskien'у и т. д.

Затѣмъ, вслѣдствіе ли торопливости или же неспособности понимать читаемое, г. К. навазываетъ Jagić'у (215, 214), Schleicher'у (121, 121'), Kurschat'у (52'), Schmidt'у (10—11, 10, 6, 92, 11), Böhlingk'у (Бетлингу) (122—123), Miklosich'у (88: „слово *крестъ* нѣмецкаго происхожденія“, 135—136, 200) и другимъ (111, 112'), 2 слѣд., 15) разныя чуждыя имъ мнѣнія и способы объяснять явленія.

Между прочимъ, пишущій эти строки удостоился слѣдующей замѣтки со стороны г. К-го: „въ глосаріѣ у Бодуэна („О древне-польскомъ языкѣ“) выраженіе грамоты *Belchowe* отнесено къ *Вблх*; но или въ грамотѣ описка (если не въ изданіи), или слово должно быть объяснено иначе“ (167). Я, правда, отнесъ *Belchowe* въ корню *блх*; но откуда г. К. знаетъ, что это тотъ же корень, который имѣется въ словѣ *блхх*? На такую дотадку мое простое сопоставленіе не даетъ ему права. Что же касается „описки“ или же необходимости „объяснять иначе“, я позволю себѣ сопоставить съ названнымъ словомъ русское *блжовни*, мѣстное названіе *Болхов*, фамилію *Болховитинов* и т. п., затѣмъ поль. *belchiny*

— *bełkotliwy* и т. п., и, что самое важное, название теперь существующей мѣстности *Bełchów* (Варшавской губерніи, Ловичскаго уѣзда). Если это название „лично неприятно“ г. К-му (ср. стр. 121), то пусть он войдет с прошеніем, куда слѣдует, о том, чтобы, по примѣру мѣстностей *Radzymin*, *Radzyń*, *Mińsk*, *Bendzin*, *Częstochowa*, *Jędrzejów*, *Piotrków* и т. п., передѣланных в *Radimin*, *Radin*, *Minsk*, *Bendin*, *Częstochow*, *Andrejew*, *Petrokow* и т. д., и *Bełchów* получил название, менѣе пречатствующее его (г. К-го) праву.

Г. К. смѣшивает Ворр'а со Schmidt'ом (10, 92, 13). Травестируя же Schmidt'a, он все таки там, гдѣ пристрастіе и одностороннія, предвзятые мысли заставляют его отступать от сего послѣдняго, докторальным тоном удивляется Schmidt'у и дѣлает ему маленькій выговор (162, 162¹).

Несправедливо обвиняются Schleicher (6), „приверженцы школы Шлейхера“ (6), при чем г. К. негодует негодованіем своего барина по наукѣ, Schmidt'a, Kurschat (52¹) и другіе.

Нужно обладать извѣстною долей самоувѣренности, если не дерзости, чтобы, путая, как мы уже видѣли, *полсть* и *плоть*, *pltv* и *ṽplet*, *копакъ* и *клобукъ* и т. п., и вообще столь блистательно доказывая свое „примитивное“ знаніе славянскихъ нарѣчій“, обвинять в таком знаніи других (185: „Фикъ II° 604, при своемъ примитивномъ знаніи славянскихъ нарѣчій, путаетъ слова *полсть* и *плоть*“).

Г. К. позволяет себѣ, не зная вовсе санскритскихъ грамматиковъ, обвинять их в „мистицизмъ“ (120—121). А между тѣмъ на сколько выше стоял бы г. К., еслибъ хоть в со-той части усвоил себѣ ясность, смѣлость изложенія и точность санскритскихъ грамматиковъ!

Самымъ курьезнымъ является навязываніе другимъ потаенныхъ мыслей, обвиненіе их в научномъ лицемеріи и предумышленной лжи. Такъ напримѣр, сказано о Миклошичѣ: „Любопытно, что въ словарѣ Миклошича подѣ *brzъgъ* помѣчено: „ср. *блеснжти*“; но напрасно послѣднее слово — *блеснжти* — мы бы искали въ его словарѣ. Дѣлая эту ссылку, авторъ сдѣлалъ *lapsus mentis* и выдалъ себя — онъ въ *думѣ* не могъ не *признаться*, что въ русской формѣ *блескъ* хранится первичная вокализация корня *bhrágh* блестя, разсвѣтать — напачѣ славянской“ (218). Прежде всего г. К. дѣлаетъ много шуму изъ за пустяков (*viel lärm um nichts*). Попавшее ему

в словаре Миклошича *блєснѣти* есть простая опечатка *вм. блєснѣти*. Ибо в противном случае, считая *блєснѣти* словом старословянским, Миклошич выказал бы такое незнаніе стел.-ой фонетики, какое может быть свойственно г. К-му, но никогда Миклошичу. Затѣм, не есть ли это крайняя степень дерзости без всяких положительных доказательств заподозривать других в умышленной лжи, в іезуитской *restrictio mentalis* и др. т. п. безнравственных поступках. По всей вѣроятности, г. К. заключает о других по себѣ, и во всяком случае послѣ этого мы имѣем право предполагать в его сочиненіи на каждом шагу умышленное извращеніе истины.

Своими цитатами г. К. хочет пускать пыль в глаза, и цитует даже такіа сочиненія, которых или вовсе не видѣл, или, если и видѣл, не читал, если же читал, не понимал.

Цитует же г. К. крайне небрежно. Заглавія приводит иногда совершенно не точно, так что книги узнать нельзя. Так напримѣр, говорится о „*Jenaer Literaturanzeiger*“ (11), тогда как такого вовсе не полагается, но за то есть „*Jenaer Literaturzeitung*“.

Из одной книги г. К. дѣлает нѣсколько. Так случилось, между прочим, с Венелиным (76, 85, 148, 182, 195), с Коритар'ом (18, 132, 193, 207), с Jagić'ем (43, 45, 81, 135, 151), с Потебнею (65, 77, 78, 79, 91, 162). *Zeyss* переименован в *Zeussa* (159¹), и т. п.

Затѣм, г. К. цитует не совсѣм вѣрно, переводит не точно, без вниманія (4—5¹), 6, 82, 94 и т. п.), помѣщает цитаты вовсе не подходящія (7, 39), или ничего не говорящія, лишніа (9, 23, 166).

Неточныа цитаты: 18, 266, 19, 15, 95¹), 108¹), 113¹), 131¹), 132¹), 152¹), 187, 211 и т. д.

Вм. вєтєчїянск. стоит миланск., вм. провєнсальск.—франц. (57).

Невѣрныа и неточныа цитаты слов: 139 (cf. 137), 158, 160 и т. д.

На стр. 122 г. К. открыл даже „второе изданіе II тома т. наз. „Сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій“ ав. Миклошича“, а между тѣм позволяет себѣ въ том же мѣстѣ говорить о Миклошичѣ с пренебреженіем, подтруни-

вать над ним: „гдѣ вѣвскій славистъ широковъщательно излагаетъ свой взглядъ“ (122).

Безсовѣстная *цитата* находится на стр. 91¹⁾, гдѣ г. К. упрекает Потебню его же собственными словами. Потебня говоритъ: „Ошибочно непосредственное сближеніе *i* въ этой формѣ съ *i* въ литовскомъ *wilks*“ (Къ исторіи звуковъ, стр. 65). Г. К. же заявляетъ: „Ошибочно непосредственное сближеніе *i* въ этой формѣ съ *i* въ литовскомъ *wilks*, какъ это дѣлаетъ авторъ“ (т. е. именно Потебня) (91¹⁾).

II.

Итакъ, мы познакомились съ внутреннею и вѣвшею стороною критики г. К-го, т. е. мы узнали, какъ безкритично и недобросовѣстно относится онъ къ фактамъ, на которыхъ основываетъ свои выводы. Теперь слѣдуетъ рассмотреть его методъ, т. е. его способъ комбинировать эти факты и строить на нихъ свои выводы. Эта часть ученой работы, такъ сказать, стратегія научно-литературной техники (тогда какъ критическое отношеніе къ отдѣльнымъ фактамъ можно сравнить съ тактикою), въ сущности гораздо важнѣе; ибо только отъ надлежащей комбинаціи фактовъ зависитъ точность и вѣрность общихъ выводовъ. Поэтому намъ бы слѣдовало еще съ большою подробностью заняться рассмотрѣніемъ метода г. К-го. Но, утомившись непродолжительнымъ странствованіемъ по дебрямъ ошибокъ и „недосмотровъ“, наполняющихъ книгу г. К-го, я болѣе не въ состояніи углубляться съ тою же тщательностію и акуратностію въ ея прелести, и принужденъ сократить свой разборъ по возможности. Я полагаю, что и безъ того достаточно согрѣшилъ противу своихъ обязанностей относительно самого себя и другихъ, посвятивъ столько времени на вполне непродолжительный трудъ, состоящій въ разборѣ такого научнаго ничтожества и въ повѣркѣ всего, что въ немъ высказывается.

Сокративъ разборъ, я этимъ нисколько не измѣняю его сущности. А что окончательные результаты „ученыхъ изслѣдованій“ г. К-го не могутъ никуда годиться, видно уже изъ того, что они основаны на столь безкритично и недобросовѣстно подобранныхъ фактахъ, какъ мы только что видѣли.

именно тожество Карпат с „прародиною Славянъ“, — какъ вопросъ темный и на вѣдъ ли разяснимый, относительно второй части (разстоянія отъ „прародины“) я позволю себѣ усумниться. Вѣдь отъ Карпатъ ближе до Адриатическаго или же Балтійскаго моря, нежели до Казани или хотябы даже до Москвы.

Но стр. 221 читаемъ слѣдующую тираду, представляющую окончательный результатъ „изслѣдованія“ г. К-го:

„Славянскія нарѣчія представляли вѣкогда одну массу, характеръ которой сохраненіе всего донесся въ языкъ того народа, который остался сиднемъ сидѣть на „черной“ прародинѣ славянства, который на разстояніи многихъ вѣковъ блюлъ свято дѣдину и отчину славянъ, искони обитателей страны, доселѣ ихъ носящей и питающей“ — народа русскаго“ (221).

По поводу этого я позволю себѣ замѣтить слѣдующее:

„Сиднемъ сидѣть“ тридцать лѣтъ и три года прилично и возможно Ильѣ Муромцу, крестьянскому сыну, но не цѣлому народу, да еще съ такимъ устройствомъ, какъ не прикованный къ почвѣ народъ русскій въ прежнія времена. Какъ г. К. клеветаетъ на русскій языкъ, утверждая, что онъ вовсе не подвинулся въ историческомъ развитіи отъ основно-словянскаго состоянія, точно такъ же онъ клеветаетъ и оскорбляетъ русскій народъ, приписывая ему неподвижность и „сиднемъ сидѣніе“ въ теченіе болѣе, чѣмъ тысячи лѣтъ. Кто же „колонизовалъ“ (заселил, передвигаясь съ мѣста на мѣсто) восточную Европу, Сибирь, да и въ наши дни продолжаетъ это постоянное, безпрерывное движеніе съ запада на востокъ, колонизируя Ташкентъ и другія вновь пріобрѣтенныя страны? Слѣдовало только справиться съ русскою исторіей; въ ней г. К. нашелъ бы опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ, и не возводилъ бы напраслины на русскій народъ.

И такъ, мы видимъ, что г. К. для краснаго словца не пожалѣлъ правды. Но, впрочемъ, это было бы слишкомъ лестное мнѣніе о г. К-омъ. Онъ сдѣлалъ это не нарочно, съ точки зрѣнія науки является невѣроятнымъ и, ввиду этихъ смягчающихъ обстоятельствъ, заслуживаетъ полнаго снисхожденія.

4) Методу г. К-го, какъ видно изъ предшествоващаго, свойственна т. наз. *petitio principii*, свойственны „выводы“, навязанные фактамъ, а не добытые путемъ сравненія и индукціи (166, 138, 23, 6—7, 91, 57, 26, 152 и т. д.).

5) В связи с этим г. К-му свойственна крайняя самоуверенность (32, 33, 51, 48—49, 55—56¹), 75, 75—76, 77, 115, 140—141, 155 и т. д.).

6) Затѣм, г. К-му свойствен полнѣйшій произвол и „субъективизм“. Он сортирует явленія по вкусу, и по вкусу же ставит их во взаимную генетическую связь, попадая при этом в разительныя противорѣчія (29, 57, 125, 140, 149, 152, 178, 198, 210, 93, 94, 107—108, 110, 140, 111, 216 и др.).

Так, между прочим, стел.-ое однообразіе (вазкз, жлзтз, вазха, слзза (?) и т. п.) позже русскаго разнообразія (волк, желт (?), блоха, слеза и т. п.), но русское однообразіе (волк, полный, полк, желтый, долгий и т. п.) старше польскаго разнообразія (wilk, pełny, półk, żółty, długi и т. п.).

7) Г. К. прибѣгает весьма охотно к так называемому „argumentum ad hominem“ (112, 121, 152, 161 и т. д.).

Логика г. К-го, проходящая через всѣ его выводы и соображенія, отличается слѣдующими свойствами, изобличающими собственно полное отсутствіе логики:

1) Г. К. не соблюдает перваго условія логическаго мышленія, а именно правила *тождества* (*identitas*) и *разности* (*differentia*), состоящаго в том, 1) что *A* остается *A* во всевозможных сочетаніях, не нарушающих его природы, 2) что, если из *A*, вслѣдствіе каких нибудь причин, развивается *B*, то оно, при тѣх же условіях, развивается из *A* всегда, без исключенія. У г. же К-го, смотря по вкусу, 1) *A* может остаться *A* или же, без всяких причин, измѣняться в разныя другія величины, 2) *A* может, при точно тѣх же видоизмѣняющих условіях, переходить то в *B*, то в *C*, то в *D* и т. д. (53, 32, 62, 140, 174, 29, 186, 198, 90, 7—8, 35, 37, 39, 40, 41, 41, 43, 44, 44—45 и т. д. и т. д.).

2) Объясняя извѣстныя явленія с помощью форм гипотетических, необходимо соблюдать условіе, чтобы эти гипотетическія формы не скрещивались и не смѣшивались с формами явленій разнородных. Послѣ полнаго смѣшенія не возможно допускать простое воскресеніе прѣжних различій. — Это условіе не соблюдается г. К-м.

3) Если имѣются (существуют) рядом два сходныя, родственныя явленія, x и y , заставляющія предполагать между ними генегическую связь, основанную на их общем происхожденіи, то естественноѣ всего заключать, что оба эти явленія представляютъ разнообразныя видоизмѣненія чего то третьяго, как их общаго источника, впоследствии исчезающаго, или скорѣе продолжающаго существовать в своих разнообразныхъ потомкахъ. Такимъ только образомъ можно объяснять себѣ родство формъ органическихъ, родство языковъ, родство словъ и т. д. У г. же К-го совсѣмъ иначе. Имѣя два родственныя явленія, x и y , онъ произвольно, смотря по вкусу, выводитъ или x из y , или же y из x , и совершенно обходится безъ гипотетическаго третьяго, z (48 и др., 52—53, 65 и т. д.). На этомъ основаны всѣ умозаключенія г. К-го. Между прочимъ, подтрунивая надъ тѣми, по мнѣнію кого „Авраамъ роди Исаака — сербъ роди руса“ (52), именно г. К. постоянно твердитъ, что Русъ „роди“ всѣхъ Словянъ.

4) Г. К. не имѣетъ вовсе чутья для логическихъ противорѣчій. Ему ничего не стоитъ сказать объ извѣстномъ предметѣ раз, что онъ черный, другой раз, что онъ бѣлый.

5) Довольно часто можно встрѣтить у г. К-го так называемое *hysteron proteron*, или русскимъ терминомъ, *шворотъ на выворотъ* (40 и др., 93 и др., 101 и др., 138 и др.).

6) Конечно, не в меньшей мѣрѣ отличается г. К. и по части силлогизмовъ. Умозаключенія его образцовы в ироническомъ смыслѣ этого слова (149—150, 150, 39 и т. д., 49, 54, 60, 78, 78¹), 86, 90, 92—93, 112, 118—119, 121—122, 125, 128, 135, 143¹), 152—153, 156, 155—157, 159, 160, 164¹), 171, 21 и т. д.). Читая книгу г. К-го, почти на каждой страницѣ можно наслаждаться подобными логическими прелестями. — Какъ главный отдѣлъ сочиненія, о „плавныхъ сочетаніяхъ: конс + л, р + з — к + конс“, так и предшествующіе ему экскурсы (введеніе, о z , о $t, d + j$ и т. д.) построены на курьезныхъ силлогизмахъ и умозаключеніяхъ, напоминающихъ знаменитое: „*baculus stat in angulo, ergo pluit*“.

Курьезные выводы, о tj и dj находятся на стр. 39, 35, 37, 40, 41, 43, 44, 44—45, 45, 45³), 46, 47—48³), 51, 56, 57, 58, 59, 60, 55, 63, 64.

Больше всего же можно наслаждаться силлогизмами и вообще умозаключеніями г. К-го при разборѣ „плавныхъ со-

четаній“, изслѣдованію которых посвящено главным образом его сочиненіе. Здѣсь почти сколько строкъ, столько бессмыслиц и вообще логических неожиданностей (71, 72, 76, 76—77, 88, 89, 90, 91, 93, 101, 104, 124, 125, 128, 131, 132, 138, 145, 192, 195, 197, 198, 154, 79—80, 146, 126, 109, 125, 58, 123^а) и т. д. и т. д.). На различіе, напримѣр, польских *wilk*, — *pełna*, — *łusty*, — *człono*, — *czorny*, — *wirzch*, *wirzba*, — *ciarki*, *ciernie* и т. п., на поразительное совпаденіе поль. *młczec*, *wilk* с резьянскими *młat*, *ak*, в противоположность поль. *dlugi*, *pełny* и т. п. — рез. *dolgi*, *polni* и т. п. (Бод-де-Курт. „Опыт фонетики резьян. гов.“ §§ 147—149), на постоянное, выдержанное написаніе стел.-их памятников „японской“ рецензіи (вѣк-, мѣхъ плн...), на совпаденіе с этими словами литовских *vilkas*, *pilnas* и т. п., и т. д. и т. д. г. К. не обращает ни малѣйшаго вниманія. Все рѣшаютъ какіе-то ни с того, ни с сего появляющіеся *dei ex machina*, сообразно со вкусом и ежеминутным расположеніемъ духа почтеннаго автора, не останавливающегося ни передъ какою натяжкой, ни передъ какою подтасовкою фактов. Нечего и говорить при этомъ о поверхностности взгляда, о незнапіи фактов, о попрапіи правил простѣйшей логики и здраваго смысла.

Силлогизм „*baculus stat in angulo, ergo pluit*“ напоминаютъ, между прочимъ, тѣ мѣста книги г. К-го, гдѣ онъ рѣшаетъ извѣстные вопросы простымъ большинствомъ голосовъ, „давленіемъ“ всей массы славянскихъ языковъ“ и т. п. Если извѣстное явленіе языка встрѣчается в такой то формѣ у большинства Словянъ, то оно, по мнѣнію г. К-го, *eo ipso* в этой формѣ древнѣе, нежели соответствующее ему явленіе в нарѣчіяхъ меньшинства (48, 53, 66, 72, 72—73, 97, 103, 90, 140, 149, 161, 176 и т. д.).

С помощью отчасти наивных и неумѣлых, отчасти же недобросовѣстныхъ сопоставленій, с помощью смѣшенія (неразличенія) вещей различныхъ и различенія (раздѣленія) тождественныхъ г. К., точно фокусникъ, выводитъ все изъ всего, и такимъ образомъ вводитъ ужаснѣйшій хаосъ в свое изложеніе (82, 79—80, 79, 80, 133, 139, 155—156 и т. д.). Для г.

К-го нѣтъ ничего невозможнаго (139, 100, 143, 176, 177, 178, 188—189, 209, 199—200, 130, 220 и т. д.).

Г. К. не понимает вовсе специальныхъ условій, при которыхъ известное явленіе измѣняется иначе, нежели обыкновенно.

Такъ напримѣр, онъ не понимаетъ различія измѣненій звуковъ въ независимомъ положеніи отъ измѣненій подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ (57, 44, 45, 36, 47, 53, 55, 57, 61, 40, 41, 46, 87, 102, 103, 103^а), 133, 139 и т. д.).

Затѣмъ, онъ, вслѣдствіе незнанія, не принимаетъ вовсе во вниманіе дѣйствія народнаго словопроизводства и аналогіи (85, 79, 84, 86, 18, 18¹), 18—19, 21—22¹), 22, 24, 24—25, 25—26, 43, 76, 84, 126, 142, 149, 200, 204, 205, 207, 208—209, 211, 213—214, 215 и т. д.).

Затѣмъ, см. стр. 157, 110 и т. д.

Для г. К-го не существуютъ вовсе требованія географіи и хронологіи. Онъ никогда не задается вопросомъ: гдѣ? когда? Какъ въ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ этомъ сочиненіи г. К-го носитъ на себѣ печать полнаго произвола и представляетъ хаосъ безъ всякаго порядка (29, 18, 18—19, 24, 24—25, 25, 29, 40, 45 (44—45), 70, 92, 98, 110—111, 136, 19, 204—205, 189, 135¹), 41—42, 121, 196 и т. д.).

Русскіе звуковые законы переносятся безцеремонно въ другія славянскія нарѣчія (145, 186, 188, 189, 190, 195 и т. д.).

Новыя, вторичныя явленія ставятся на одну доску съ древними (37 и др.).

Для подтвержденія своихъ положеній, г. К. приводитъ явленія, вырванныя изъ общей связи со строеніемъ языка, которому они свойственны, лишая ихъ такимъ образомъ почвы, разсматриваетъ отдѣльныя явленія въ отвлеченіи отъ всего строя и состава давнаго языка, нарѣчія и говора, даже, по видимому, вовсе этого строя и состава не понимая (35, 67, 216, 213 и т. д.).

При заимствованныхъ словахъ не принимаются совершенно во вниманіе особенности языка заимствующаго (62 и др.).

III.

И с вѣшной стороны книга г. К-го представляет труд перашливый, нестарательный.

О цитатах г. К-го было сказано выше.

Язык и слог г. К-го далеко не привлекательны, и отличаются многословіем, фразерством, високопарностью, набором ничего не значащих слов (I, II, III, III, 1—2, 16, 17, 21, 26, 49—50, 53, 120, 216, 140, 222, 221, 104, 159, 135¹⁾, 37, 39, 65, 75, 84, 107, 192, 11, 66, 66, 85, 85, 124, 124, 4, 43, 184 и т. д.).

Живонисныя выраженія не у мѣста и отчасти неприличныя: 9, 9, 10¹⁾, 10, 11 и т. д. и т. д. Неумѣстныя похвалы и epitheta ornantia: 4, 10, 12, 5 и т. д.

Примѣры иногда даже просто неправильнаго языка: 27, 27, 28, 29, 72—73, 73, 78, 88, 88¹⁾, 111, 111, 115, 190, 42¹⁾, 69, 69—70, 72, 77¹⁾, 76, 89¹⁾, 107, 108¹⁾, 135, 149, 154, 169, 171, 183, 210, 32, 87, 90, 91, 105, 105, 125, 138, 140, 152, 156, 157, 160¹⁾, 180, 160¹⁾, 53, 92, 195, 134 и т. д.

Своеобразныя выраженія: 30, 67, 69, 85, 95, 130, 141, 169, 170, 90, 83, 153 и т. д.

Как будто-бы полонизмы: 164 (ср. 170), 181, 221 и т. д.

Германизмы и галлицизмы: 5, 41, 83 и т. д.

Г. К. ругает факты (25, 106¹⁾ и др.).

Наивности: III, 138, 138, 21 и т. д.

Мѣста непонятныя: III, 1, 16, 27, 27, 29, 39, 39, 53 сн., 73 сн., 78¹⁾, 84, 84, 161, 202, 213, 217, 121¹⁾, 121, 123, 126, 126, 20, 127, 129, 160¹⁾ и т. д.—Особенно наивно и непонятно 160¹⁾: „Съ глубокимъ сожалѣніемъ указываю на тотъ печальный фактъ въ нашей наукѣ, то“ (!) „такіе серьезныя труды, какъ труды скромнаго чешскаго гимназическаго учителя, Маценауера, прошли незамѣченными: о немъ ни у Гейтлера, ни у Шмидта, ни у Ягича, и авторъ остался незамѣченнымъ, въ тѣни, не смотря на то, что были въ жизни славянъ моменты, когда на него должно было обратить вниманіе“ (?!).

Знаки непонятныя: + = (105): „поморцевъ, полабцевъ и верхнихъ лужицанъ (+ славяне Саксоніи вообще = милъчане)“.

Неточности выраженія: 15, 165, 178, 64, 119, 151 сн. и т. д.; 120, 139, 169, 184, 105 и т. д.

Выраженіе на стр. 176 (строка 11—10 сн.) может наводить на мысль, что у каждой группы нарѣчій есть свой русский языкъ.

Терминологія, принятая г. К-им, имѣетъ тоже свои странности. Отчасти г. К. выдумываетъ своеобразныя названія; — в чемъ еще не особенная бѣда, — отчасти же, — что гораздо важнѣе, — совершенно превратно понимаетъ ходячіе обыкновенныя термины и выраженія (31, 34, 34, 54, 37, 25, 52, 75, 51, 67, 127, 144, 150, 150, 40, 189, 8, 10, 123, 177 и т. д.).

Почему г. К. называетъ *Зоографское* Евангеліе „Зоографскимъ“? (151, 214, 215 и др.). Неужъ то для уподобленія къ *зоологіи*; *зоотоміи* и т. п.?

Что это за народъ „слабо-сербы“? (51).

Невѣрный перевод съ нѣмецкаго: 9—10¹), 12¹) и т. д.

Знаки препинанія поставлены небрежно. Вообще же интерпункція своеобразная, не особенно лестно свидѣтельствующая о логикѣ автора и во всякомъ случаѣ не удовлетворяющая требованіямъ § 67 „Правилъ объ испытаніяхъ зрѣлости“ (12, 134—135, 143, 204 и т. д. и т. д.).

Нестарательность г. К-го выражается еще тѣмъ, что опечатокъ в его книгѣ пропасть, а между тѣмъ вовсе не приложенъ ихъ списокъ.

Хотя сочиненія прежнихъ русскихъ филологовъ и лингвистовъ со стороны содержанія очень часто не соответствовали современному положенію науки, все же таки они старались выражаться ясно и вообще были грамотны. В послѣднее же время появились въ Россіи „филологи“ и „лингвисты“, удостоиваемые даже высшихъ ученыхъ степеней, но при всемъ этомъ не обращающіе вниманія на подобныя мелочи и не считающіе своей безграмотности существеннымъ недостаткомъ. В этой дружинѣ удалыхъ молодцовъ науки г. К. занимаетъ весьма почетное мѣсто.

IV.

Разсмотрѣвъ недостатки книги г. К-го, остановимся теперь на ея достоинствахъ. Достоинства эти сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Г. К. довольно много, если не читал, то по крайней мере просматривал, но, к сожалѣнію, просматривал поверхностно, безтолково и безкритично. Поэтому он весьма не основательно знаком с работами других. Свои свѣдѣнія о некоторых ученых он почерпнул не из сочиненій этих ученых, но из третьих рук. Вся эрудиція г. К-го только на показ.

2) Есть в книгѣ г. К-го вѣсколько болѣе или менѣе мѣтких замѣчаній и предположеній, напримѣр, о вліяніи польскаго языка на малорусскій (76³), сообщаются довольно интересныя данныя о правописаніи чешских рукописей (113—114) и т. п.

Затѣм, заслугу г. К-го составляет собраніе нижнелужицких примѣров (напр. 101—103), хотя тоже не совсѣм критическое.

V.

Резюмируя все сказанное о недостатках и достоинствах книги г. К-го, мы должны констатировать *громадный перевѣсъ на сторонѣ недостатков*.

Къ этому можно прибавить еще слѣдующее:

1) Г. К. взялся за работу без достаточной подготовки и слишком торопился.

2) Подобнаго рода спеціальныя изслѣдованія, основанныя на обособленных, отдѣльных фактах, могут только тогда принести какую нибудь пользу, когда они совершены всесторонне, по всѣм правилам научнаго метода, в связи съ цѣлым строем языков, в которых эти факты замѣчены. Но какое может имѣть значеніе пересаживаніе с грядки на грядку на обум, на скоро подмѣченных явленій и усердное повтореніе одних и тѣх же, ничѣм не доказанных, общих положеній?

3) Точно къ такому же „результату“ можно было прійти без всяких изслѣдованій, обладая только храбростью из категоріи „audaces fortuna juvat“ и своеобразною благонамѣренностью.

4) Бойкость и самоувѣренность не могут замѣнить строго научной сообразительности.

5) Такой метод, как г. К-го, возвращает языковѣдѣніе къ тѣм блаженным временам, когда можно было, „mutata li-

тега *x in y*“, выводить все из всего, смотря по вкусу и по обстоятельствам. А такой метод дѣлает невозможною какую бы то ни было науку.

6) Можно бы подумать, что г. К. хотѣл подшутить над здравым смыслом, еслиб в его сочиненіи не было громадной доли ученой наивности

Теперь спрашивается: „въ какой мѣрѣ сочиненіе“ г. К-го „способствуетъ къ *полному* познанію избраннаго авторомъ предмета?“. В отвѣтъ на это можно замѣтить:

Г. К. надѣл русскія очки, окрашивающія под русскій цвѣтъ явленія всѣх остальныхъ словянскихъ нарѣчій. Специальныя отношенія в отдѣльных нарѣчіяхъ вовсе не разсмотрѣны и не опредѣлены. Слѣдовательно, сочиненіе г. К-го во все не способствуетъ к полному познанію избраннаго им предмета.

„Соотвѣтствуетъ-ли“ сочиненіе г. К-го „современнымъ требованіямъ науки и критики?“.

Отвѣтъ: Из предшествующаго видно, что сочиненіе г. К-го не только современнымъ, но какимъ бы то ни было серьезнымъ требованіямъ науки и критики не соотвѣтствуетъ.

В связи с этимъ находится вопросъ: на сколько ново содержаніе книги г. К-го, и на сколько авторъ самостоятеленъ?

Г. К. взялъ главное из Schmidt'a (*Zur Geschichte des Indogermanischen Vocalismus*. II. Weimar 1875), обыкновенно не понимая, в чемъ дѣло, и по большей части испортивъ его (Schmidt'a) изложеніе. Самостоятельно же г. К. разукрасилъ свое сочиненіе цитатами, большею частью совершенно лишними и не нужными, а довольно часто вовсе не подходящими. Другими словами: Сочиненіе г. К-го есть, по существу дѣла, по идеѣ, ничто иное, какъ травестація частички названнаго труда Johannes'a Schmidta, есть неумѣлая компиляція, распространенная самостоятельно некритически подобранными примѣрами.

Было бы несравненно больше пользы, еслиб г. К. добросовѣстно сопоставилъ слова, подходящія под избранную имъ фонетическую категорію, и опредѣлилъ эмпирически случаи появленія разныхъ форм. А такъ вышелъ просто хаосъ и бесполезная путаница.

Г. К. наивно замѣчаетъ в предисловіи (стр. II): „Вопросъ о родствѣ членовъ славянской семьи, точнѣе, вопросъ о пониманіи этого родства, безспорно, кардинальный въ наукѣ славяновѣдѣнія, въ одно и тоже время и весьма старый, и весьма новый. Позади его уже цѣлое столѣтіе, а *подвинулся онъ на шагъ. Если, послѣ моего изслѣдованія, можно будетъ сказать — онъ подвинулся на два — я достигъ своей цѣли*“ (II).

Говорятъ, что хорошее мнѣніе о самомъ себѣ составляетъ половину счастья, и это несомнѣнно. Къ сожалѣнію, мы не станемъ раздѣлять только что приведеннаго лестнаго мнѣнія г. К-го о достоинствахъ и заслугахъ его труда. И, правда, не много смыслу в шагистикѣ науки; но все таки позволю себѣ замѣтить, что книги в родѣ сочиненія г. К-го не только не подвигаютъ научныхъ вопросовъ ни на одинъ волосокъ, но всегда являются тормазомъ для науки и, какъ научный тормазъ, онѣ положительно вредны.

Наконецъ, поставимъ вопросъ: *„дѣйствительно ли русской ученой литературѣ не доставало подобнаго творенія?“*

Отвѣтъ: Мы уже видѣли, что, в отношеніи к общей научно-лингвистической литературѣ, сочиненіе г. К-го является неумѣлою компиляціей. На специальной же почвѣ русской ученой литературы уже 30 лѣтъ тому назадъ Максимовичъ в „Начаткахъ русской филологіи“ писалъ о томъ же предметѣ гораздо лучше, ибо короче, яснѣе и толковѣе, — не говоря о болѣе позднихъ трудахъ П. А. Лавровскаго, А. А. Потебни и др.

З а к л ю ч е н і е .

С какой стороны ни подходи къ сочиненію г. Кочубинскаго, получается всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ:

Сочиненіе г. Кочубинскаго для специалистовъ не представляетъ ничего новаго, для начинающихъ же оно положительно вредно и могло бы служить для нихъ развѣ только образцомъ в отрицательномъ смыслѣ. Вслѣдствіе сего оно является научнымъ тормазомъ, который лучше всего считать совершенно несуществоующимъ, не теряя времени на улучшение в украшающія его частныя презести. При изслѣдованіи вопросовъ, которыхъ книга г. Кочубинскаго будто бы

каспется, можно с чистою совѣстью оставлять ее совершенно безъ вниманія.

Н. Бодуэн-де-Куртенэ.

(J. Baudouin de Courtenay).

Казань, Вишнев, Варшава и Радом,
іюнь, іюль и август.
1878 г.

Уже написав разбор I-го тома сочиненія г. Кочубинскаго, я ознакомился с 1-м выпуском его II-го тома п. з.

Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій.

Основная вокализация плавныхъ сочетаній: конс. + л, р + з — ъ + конс. Изслѣдованіе А. Кочубинскаго, экстра-ординарнаго профессора императорскаго новороссійскаго университета. Томъ II. Выпускъ 1. Одесса. etc. 1878.

Здѣсь автор „привлекаетъ каждое нарѣчіе къ вопросу“ (стр. 14), чтобы, подтасовывая явленія „послѣдовательности ор — рз“ в области „плавныхъ сочетаній: конс. + р + з — ъ + конс.“ (стр. 1), произвести точно так же, как и в I-м томѣ, безпардонную руссификацію всѣхъ нерусскихъ нарѣчій славянскихъ.

Этотъ выпускъ ни в чемъ не уступаетъ I-му тому, отличающійся тѣми же недостатками и, если угодно, даже тѣми же достоинствами.

Изъ предисловія узнаемъ, между прочимъ, что разобранное мною сочиненіе г. К-го есть его докторская диссертация, и затѣмъ, что „положеніе захолустнаго слависта имѣетъ свои условія“. Оканчивается же предисловіе слѣдующимъ словоизверженіемъ:

„Да простятъ мнѣ шероховатость, жесткость мѣстами моего слова: тамъ“ (гдѣ?) „говорило невольное чувство“.

В самомъ сочиненіи в числѣ другихъ курьезовъ читаемъ:

1) что Миклошичъ принадлежитъ къ числу „ученыхъ фельетонистовъ“ и что „изреченія мудрецовъ“ (т. е. именно Миклошича) „будутъ занесены въ патологическій лексиконъ науки“ (45),

2) что „земляки“ г. К-го „не видать умаленія „государевой чести“ въ сохраненіи *иностраннаго термина*: Ignatius вапр. для нихъ Игнатій, а не Ватрославъ . . .“ (77¹)).

Не подлежит сомнѣнію, что мой разбор книги г. Кочубинскаго многимъ покажется слишкомъ рѣзкимъ, пожалуй, даже „неприличнымъ“. И в самом дѣлѣ, хотя я сдерживался в выраженіяхъ и избѣгалъ пустой брани, все же таки старался высказывать свои мнѣнія о недостаткахъ разбираемаго сочиненія безъ всякихъ обиняковъ. Относясь такъ къ одному произведенію, я имѣлъ в виду общій недугъ, которымъ страдаетъ ученый отдѣлъ русской литературы.

В русской научной литературѣ, и прежде всего в области наукъ историческихъ, филологическихъ и лингвистическихъ, завелась особая порода бравыхъ молодцовъ, обладающихъ только храбростью и готовностью говорить и писать о томъ, чего не принимаешь и не знаешь. Шарлатанство и недобросовѣстность, при полномъ незнаніи элементовъ науки, — вотъ качества, характеризующія эту породу. Многие изъ этихъ господъ, рѣшающихъ в послѣдней инстанціи важнѣйшіе научные вопросы и для интеллигентной толпы олицетворяющихъ собою „послѣднее слово науки“, походятъ на математиковъ, которые, не зная первыхъ четырехъ дѣйствій, принялись бы за самостоятельную обработку и передѣлку высшей математики.

Трудно не согласиться, что ученые этого пошиба наносятъ положительный вредъ тому, что называется наукою, а между тѣмъ они получаютъ ученые степени магистровъ и докторовъ и, затѣмъ, преподавательскія мѣста в русскихъ университетахъ. Самымъ печальнымъ является при этомъ фактъ, что многие изъ нихъ поддерживаются не только себѣ подобными, но даже людьми знающими и научно-честными.

В виду этого я считаю долгомъ всякаго человѣка, дорожащаго успѣхами науки в какой бы то ни было странѣ и в какомъ бы то ни было государствѣ, и имѣющаго случай высказаться, относиться безпощадно къ подобнымъ проявленіямъ научнаго „ташкентства“. Конечно, в данную минуту это не можетъ имѣть практическаго значенія и зла не устранитъ. Но, по крайней мѣрѣ, не скажутъ, что тотъ или другой, имѣя возможность протестовать, не протестовалъ и не отличилъ клеймомъ шарлатанства того, что подобнаго клейма вполнѣ заслуживаетъ.

Впрочем, справедливость требует замѣтить, что авторы, выпускающіе в свѣтъ жалкіе плоды своего невѣжества и шарлатанства, находят себѣ поддержку с той стороны, с которой меньше всего слѣдовало бы ожидать этого.

В историко-филологических факультетах нѣкоторых русских университетов завелся и продолжает господствовать пагубный обычай, при оцѣнкѣ магистерских и докторских диссертаций обращать вниманіе главным образом на количество, а не на качество. Достаточно, чтобы ищущій ученой степени представил толстую и „жирную“ книгу. Не спрашивают же вовсе, обработал ли он хоть один вопрос в самом дѣлѣ *самостоятельно*. А знаніе элементов науки — это уж такая пустячная мелочь, что об ней даже и упоминать не стоит. Мало того, нѣкоторые из официальных ученых выказывают явное прѣзрѣніе к положительным познаніям и в требованіи их от студента или от магистранта видят униженіе университетскаго образованія и низведеніе его на уровень гимназій.

Необходимым слѣдствіем того, что все вниманіе оцѣнивающих научныя диссертации сосредоточивается не на качествѣ, а на объемѣ этих послѣдних, является разжиженіе мыслей и многословіе.

У оцѣнивающих толстыя диссертации нѣтъ ни времени, ни охоты читать их со вниманіем. Они обыкновенно слегка их вросматривают, но за то любятъ их импонирующим объемом и вѣсом иногда в нѣсколько фунтов.

При таких требованіях магистранты и докторанты добросовѣстные хотят удивить свѣтъ чѣм то небывалым, колоссальным, чѣм то; долженствующим произвести переворот в наукѣ, и, конечно, не смотря на всѣ усилія, не успѣвают в этом. Для недобросовѣстных же дѣло полученія ученой степени значительно облегчается. Написать много гораздо легче, нежели мало, но толково и самостоятельно. Один из профессоров, кажется, Петербургскаго университета весьма мѣтко спросил кого то, желавшаго удивить его объемистою диссертацией: „развѣ у вас не было времени написать поменьше?“

Но, как добросовѣстные, так и недобросовѣстные, составляя книгу, именуемую докторскою диссертацией, слишком часто считают священным долгом своим почить на лаврах и работать по возможности меньше. У добросовѣстных,

кроме громаднаго утомленія и потребности отдохнуть, отбивает охоту к дальнѣйшимъ занятіямъ то обстоятельство, что, пиша столько, они, при самомъ искреннемъ желаніи, не были в состояніи обдумывать все, какъ слѣдуетъ, не были в состояніи работать строго методически, и терялись в хаосѣ фактическихъ мелочей и эрудиціи.

С другой стороны, кто сочиняя на скорую руку толстыя книги, слегка проскользнулъ по дорогѣ, ведущей къ ученымъ степенямъ и почестямъ, а, сдѣлавшись докторомъ и профессоромъ, вздумалъ дальше заниматься, тотъ, конечно, можетъ заниматься только такъ, какъ при составленіи диссертаций, т. е. поверхностно и недобросовѣстно. Подобнаго рода разведенная привычка относиться къ своимъ трудамъ остается почти на всегда, и почти невозможно от нея отдѣлаться.

Почтенные библіофилы, глядя на толстыя компіляціонныя плоды шарлатанства, радуются увеличенію отечественной литературы. Правда, она увеличивается, но какъ? Увеличивается научный сор, увеличивается тормазъ для будущихъ изслѣдователей, а за то затрудняется доступъ новымъ открытіямъ, новымъ идеямъ.

Поэтому прежде всего слѣдуетъ вывести обычай приносить в жертву Молоху эрудиціи и компіляціи настоящую науку, которую в подобнаго рода сочиненіяхъ подавляютъ или шарлатанство, или же „ученость“.

J. B. de C.

Казань, декабрь 1878 г.